

Васильева Ирина

ТЕНЬ НА ЦИФЕРБЛАТЕ

Ирина Васильева

Тень на циферблате

<https://litres.ru/74537564>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тень на циферблате»

В сердце города, где время будто застыло между прошлым и будущим, стоят старинные часы на башне — не просто механизм, а живой пульс улиц, домов, тысяч человеческих судеб. Когда над городом нависла угроза — та самая «тень», способная украсть мгновения и стереть воспоминания, — на защиту времени встаёт команда, собранная из людей с разными талантами, болью и надеждами.

Виктор, умеющий слышать сам ритм механизма; расчётливый Павел, для которого каждая цифра — голос города; чуткий Арсений, способный услышать боль за молчанием; внимательная Лиза, бережно фиксирующая каждый шаг; Марина, собирающая осколки памяти в единый архив, — и даже тот, кто когда-то стал причиной беды: Антагонист, теперь идущий путём искупления.

Это история о команде, которая научилась беречь не только механизм, но и человечность. О городе, который заново учился дышать.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Искажение.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	22
Глава 4.	34
Глава 5.	43
Глава 6.	56
Глава 7.	61
Глава 8.	75
Часть 2. Правила времени.	86
Глава 9.	86
Глава 10.	95
Глава 11.	105
Глава 12.	115
Глава 13.	128
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Ирина Васильева

Тень на циферблате

Пролог

Город засыпает, но на башне старые часы ведут себя странно: тень стрелки будто «отстаёт» от самой стрелки. В этот момент кто-то исчезает без следа. Читатель сразу чувствует: время здесь — не просто мера, а сила, с которой можно играть.

Часть 1. Искажение.

Глава 1.

Утро в городе начиналось как обычно — с низкого гула просыпающихся улиц, с запаха свежего хлеба из пекарни на углу и с ритмичного стука колёс трамвая, который будто отбивал секунды, словно метроном. В этой размеренности было что-то успокаивающее, почти ритуальное. Именно за эту предсказуемость Арсений — архивист и реставратор часов — и любил свой город. Для него время не было абстрактной величиной: оно жило в шестерёнках, в тиканье маятников, в едва уловимом шелесте спускового механизма. Он чувствовал его физически, как будто мог потрогать.

Арсений жил в старом доме с высокими потолками и скрипучими половицами — в тех самых зданиях, где даже тишина звучала по-особенному: глубокими, гулкими паузами между шагами. Его квартира находилась на третьем этаже, а прямо под ней располагалась крошечная мастерская, которую он устроил в бывшей кладовой. Там пахло лаком, старой древесиной и чуть-чуть — машинным маслом. На полках теснились детали: латунные шестерёнки, пружины разной толщины, циферблаты с облупившейся эмалью, стрелки, потерявшие свой блеск. Каждый предмет имел ис-

торию, и Арсений бережно её восстанавливал.

В то утро он собирался заняться старыми карманными часами фирмы «Павел Буре» — вещь с характером, упрямая, будто не хотела возвращаться к жизни. Арсений любил такие экземпляры: они требовали терпения и внимательности, а он умел быть терпеливым. Он заварил крепкий чёрный чай, положил рядом блокнот для заметок и лупу, проверил, хорошо ли ложится свет от настольной лампы, и только после этого открыл футляр. Первые полчаса прошли незаметно. Арсений аккуратно очищал механизм, рассматривал каждую деталь, делал пометки о степени износа. Его движения были точными, почти медитативными. Он не торопился: для него реставрация была сродни разговору с прошлым, а такие беседы не ведутся наспех.

И вот тогда это и случилось. Он поднял глаза, чтобы сверить положение одной из осей с чертежом, и вдруг замер. На мгновение ему показалось, что в комнате стало чуть темнее, будто кто-то на секунду прикрыл окно. Но шторы были неподвижны, а солнечный луч по-прежнему ложился на стол ровной золотистой полосой. Арсений тряхнул головой, списывая всё на усталость, и снова склонился над часами. А потом он посмотрел на свои наручные часы — и почувствовал, как внутри что-то неприятно ёкнуло.

Было 9:17.

Но этого не могло быть.

Он точно помнил, что, когда начал работать, на часах бы-

ло 8:50. Полчаса работы, не больше. Он не отвлекался, не уходил за чаем, не проверял почту. И всё же стрелки уверенно показывали 9:17. Семнадцать минут исчезли.

Сначала он подумал, что часы сломались. Проверил: тикали ровно, ход был точным. Тогда он взглянул на электронные часы на полке — 9:18. Потом на телефон — 9:18. Все приборы, до которых он мог дотянуться, говорили одно и то же: прошло больше времени, чем он ощущал. Семнадцать минут.

Как будто кто-то вырезал кусок его утра ножницами и унёс с собой.

Арсений медленно положил инструмент на стол, будто боялся сделать резкое движение и спугнуть реальность. Он огляделся, словно ожидая увидеть что-то необычное: сдвинутую вещь, открытую дверь, тень в углу — любой намёк на то, куда делись эти минуты. Но всё было на своих местах. Пылинки по-прежнему кружились в солнечном луче, часы на стене мерно отсчитывали секунды, а в соседней квартире кто-то включил радио — обычный городской фон, привычный и спокойный.

Только вот спокойствие это теперь казалось хрупким, как тонкое стекло.

Он попытался вспомнить, что делал в эти семнадцать минут. Может быть, он на мгновение задремал? Но нет — он чётко помнил каждое своё действие с 8:50: как взял лупу, как поднёс её к механизму, как записал первые наблюдения. А

дальше — пустота. Не смутное забывание, не туман, а именно пустота, будто страница в книге была вырвана.

«Это просто сбой восприятия», — подумал он, стараясь говорить с собой твёрдо, как с капризным механизмом, который нужно вернуть в строй. «Устал, вот и мерещится».

Но в глубине души он знал, что дело не в усталости. Чтобы вернуть себе ощущение контроля, Арсений решил сделать то, что всегда помогало ему в непонятных ситуациях: разложить всё по полочкам. Он взял блокнот и начал записывать: время начала работы, свои действия, точное время, когда заметил несоответствие. Потом он достал ещё одни часы — старые, механические, без даты и лишних функций, — и поставил их рядом, чтобы следить за ходом времени отдельно.

Когда он снова поднял голову, прошло ещё пять минут. На этот раз он их чувствовал: слышал, как тикают часы, видел, как двигается секундная стрелка, ощущал, как меняется свет в комнате. Время снова стало плотным, осязаемым.

Но эти семнадцать минут так и остались чёрной дырой в его утре. Ближе к полудню Арсений вышел из мастерской, чтобы купить кофе и немного проветрить голову. Улица встретила его привычной суетой: кто-то спешил, кто-то лениво разглядывал витрины, кто-то разговаривал по телефону, не замечая ничего вокруг. Всё было как всегда, и от этого становилось ещё тревожнее. Казалось, что только он один заметил, как время дало трещину.

Проходя мимо старой булочной, он мельком взглянул на

настенные часы над входом. Они показывали 11:43. Арсений машинально отметил это время в блокноте — как будто фиксация деталей могла удержать реальность от распада.

И тут он остановился. На углу, возле газетного киоска, стояли двое мужчин в тёмных плащах. Один из них смотрел прямо на него. В этом взгляде не было ничего угрожающего — скорее, холодное, отстранённое любопытство, как будто Арсений был не человеком, а деталью в сложном механизме, которую нужно было оценить. Их взгляды встретились лишь на мгновение. Потом мужчина чуть наклонил голову — не то в приветствии, не то в оценке, — и отвернулся.

Арсений постоял ещё несколько секунд, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. Потом он глубоко вдохнул, расправил плечи и пошёл дальше, стараясь шагать уверенно.

«Просто совпадение», — повторял он про себя, но голос звучал не слишком убедительно. К тому времени, когда он вернулся домой с кофе, чувство тревоги немного притупилось. Он снова сел за работу, но теперь делал короткие паузы, чтобы посмотреть на часы и записать время. Ему казалось, что если он будет достаточно внимателен, то сможет поймать момент, когда реальность снова начнёт ускользать.

Остаток дня прошёл без происшествий. Часы «Павел Буре» постепенно оживали под его руками, и к вечеру механизм уже показывал уверенный ход. Арсений был доволен: ещё пара сеансов — и часы можно будет отдать владельцу.

Но когда он ложился спать, перед глазами снова всплывали эти семнадцать минут — как тёмное пятно на светлом циферблате. Он закрыл глаза и попытался убедить себя, что всё в порядке. Что это был просто сбой. Что завтра всё будет как прежде.

Однако где-то в глубине сознания уже шевелилось неприятное предчувствие: это было только начало.

Глава 2.

Ночь выдалась беспокойной. Арсений долго ворочался, пытаясь унять навязчивый образ: тёмное пятно, ползущее по циферблату, будто живая тень, которая не просто повторяет движение стрелки, а опережает её, живёт по своим законам. Он то и дело поглядывал на часы у кровати — те самые, механические, что поставил рядом днём, словно они могли стать якорем в расползающейся реальности. Каждую минуту он ловил себя на том, что задерживает дыхание, ожидая, что стрелки вдруг прыгнут вперёд или, наоборот, откатятся назад. Но они шли ровно, размеренно, будто ничего не знали о семнадцати минутах, пропавших из его утра.

К рассвету усталость всё-таки взяла своё, и Арсений провалился в тяжёлый, рваный сон, где время текло вязко, как остывающий мёд: секунды растягивались, минуты слипались в бесформенные куски, а часы превращались в бессмысленные круги с кривыми стрелками. Проснулся он с ощущением, будто не столько отдохнул, сколько отработал ночную смену в пустом цехе, где единственным звуком было бесконечное тиканье.

Утро началось с попытки вернуть себе контроль над обыденностью. Арсений заварил кофе, стараясь делать всё максимально осознанно: отмерял зёрна, слушал, как шумит кофемолка, считал обороты ложки, размешивая сахар. Каждый

шаг он словно фиксировал в невидимом журнале: «8:03 — засыпал кофе. 8:07 — включил плиту. 8:12 — налил воду». Это помогало чувствовать, что он управляет хотя бы мелочами.

Когда чашка была готова, он сел у окна, откуда открывался вид на тихий двор и угол улицы с булочной. Взгляд сам собой скользнул к часам над входом — тем самым, на которые он вчера мельком взглянул, записывая время в блокнот. И тут внутри что-то неприятно дрогнуло.

Часы над булочной показывали 8:27.

А на его наручных часах было 8:31.

Четыре минуты разницы. Небольшая, но слишком явная, чтобы списать на неточность. Булочные часы были старыми, но надёжными: их раз в месяц проверял местный мастер, да и сам Арсений пару лет назад помогал с чисткой механизма. Они не должны были спешить или отставать настолько заметно.

Он прищурился, будто это могло помочь разглядеть ошибку, и перевёл взгляд на другие ориентиры. На фасаде соседнего дома висели электронные часы — их установили при ремонте, чтобы жители могли сверяться с точным временем. Они показывали 8:30.

Три разных времени: 8:27, 8:30, 8:31.

Арсений медленно поставил чашку на подоконник, стараясь не расплескать кофе. В голове зашевелились неприятные мысли, которые он весь день пытался загнать в дальний угол:

а что, если дело не в его восприятии? Что, если время действительно начало вести себя странно?

Он накинул куртку и вышел на улицу, будто надеялся, что свежий воздух развеет эту нелепую тревогу. Двор был тихим, почти сонным: редкие прохожие спешили по своим делам, дворник неторопливо сметал опавшие листья, из открытого окна доносился приглушённый голос радио. Всё выглядело привычно, но теперь каждая деталь казалась чуть-чуть неправильной, как будто мир был слегка расстроен, как старый рояль.

Первым делом Арсений подошёл к часам над булочной. Вблизи они выглядели так же, как всегда: аккуратный циферблат, чёткие римские цифры, стрелки, покрытые тонким слоем патины. Он достал телефон и сверил время: 8:33. Булочные часы по-прежнему отставали на шесть минут.

Рядом, на столбе, висели небольшие уличные часы — простые, без изысков, но тоже механические. Их стрелки показывали 8:35.

Теперь разница была ещё заметнее.

Арсений замер, чувствуя, как внутри нарастает странное напряжение. Он огляделся, будто искал кого-то, кто мог бы подтвердить, что он не сходит с ума. Но люди шли мимо, не обращая внимания ни на часы, ни на него. Для них всё было в порядке.

«Может, это просто сбой? — подумал он, цепляясь за последнюю надежду на простое объяснение. — Может, кто-то

неправильно перевёл время, или мастер забыл завести одни из часов, или...» Но доводы звучали всё менее убедительно. Слишком много совпадений. Слишком много несогласованности там, где её быть не должно.

Решив, что лучше всего разобраться в этом привычным способом — через факты и документы, — Арсений направился в городской архив, где работал несколько раз в год, помогая с каталогизацией старых технических чертежей и документов. Там хранились отчёты о ремонте городских часов, схемы механизмов, даже старые заметки мастеров, которые когда-то обслуживали башни и уличные циферблаты. Если где-то и можно было найти объяснение странным расхождениям, то именно там.

Архив располагался в старом здании с толстыми стенами и узкими окнами, которые почти не пропускали дневной свет. Внутри пахло пылью, старой бумагой и чуть-чуть — мышиными норами, хотя Арсений знал, что грызунов давно вывели. Ряды стеллажей уходили вглубь зала, теряясь в полумраке, и каждый шкаф хранил свою историю, записанную в пожелтевших папках и потрёпанных тетрадях.

Елена Петровна, хранительница архива, встретила его усталой улыбкой. Она знала Арсения как аккуратного и дошного работника, который никогда не оставлял бумаги в беспорядке и всегда возвращал папки на место.

— Опять за старыми механизмами? — спросила она, поправляя очки. — В прошлый раз ты три часа просидел над

схемой башенных часов.

— Да, снова они, — кивнул Арсений, стараясь говорить спокойно, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном. — Хочу посмотреть отчёты по ремонту уличных часов в нашем районе. За последние пару лет.

Елена Петровна приподняла бровь, но ничего не сказала. Вместо этого она достала из ящика ключ и направилась к дальнему шкафу, где хранились документы по городскому хозяйству.

— Тут всё по годам и кварталам, — пояснила она, открывая дверцу. — Если скажешь, какие улицы интересуют, я помогу быстрее.

— Мне нужен весь район вокруг старой башни, — ответил Арсений. — Особенно последние два-три года.

Она кивнула и протянула ему несколько папок, перетянутых бечёвкой.

— Вот, тут отчёты мастеров. И ещё вот эта тетрадь — в ней личные заметки одного из часовщиков. Он был немного чудаковатым, но очень внимательным к деталям.

Арсений взял папки и тетрадь, поблагодарил Елену Петровну и устроился за дальним столом, где свет от лампы падал ровно и не слепил глаза. Он начал с отчётов: сухие строки о проверках, заменах шестерёнок, чистке механизмов. Всё выглядело рутинно, без намёка на что-то странное. Но чем глубже он погружался в документы, тем чаще натывался на мелкие несоответствия: в одном отчёте говорилось, что

часы на углу улицы Ленина отставали на две минуты, а в следующем — что они шли точно, хотя между проверками прошло всего несколько дней. В другом месте упоминалось, что мастер не смог объяснить, почему стрелки вдруг «поплыли» и начали двигаться неравномерно, будто механизм испытывал внешнее воздействие.

Наконец, он добрался до тетради старого часовщика. Почерк был мелким, местами неразборчивым, но Арсений привык читать старые записи и вскоре втянулся в странный, почти исповедальный стиль автора. Часовщик писал не столько о ремонте, сколько о своих наблюдениях и ощущениях, о том, как время будто меняло свой ритм в разных частях города. Среди сухих заметок о пружинах и смазке встречались фразы, от которых у Арсения по спине пробегал холодок.

Одна из записей особенно врезалась в память:

«Сегодня снова заметил тень на циферблате. Она не повторяет движение стрелки, а живёт своей жизнью. Будто время имеет свой отпечаток, который остаётся даже тогда, когда стрелки идут дальше. Не могу объяснить это с точки зрения механики, но чувствую: что-то не так. Город будто дышит неровно, и часы это отражают».

Фраза «тень на циферблате» отозвалась внутри Арсения глухим эхом. Он уже слышал её раньше — или, вернее, она сама всплыла в памяти, когда он впервые заметил пропавшие минуты. Теперь она звучала как ключ к чему-то важному, как подсказка, спрятанная в старых записях.

Он перевернул страницу и нашёл ещё одну запись, сделанную несколькими неделями позже:

«Пытался объяснить это коллегам, но они только посмеялись. Сказали, что я слишком много думаю о времени и начинаю видеть то, чего нет. Может, они правы. Но тень никуда не девается. Она становится заметнее по вечерам, когда город затихает. Иногда мне кажется, что она движется против хода стрелок».

Арсений откинулся на спинку стула, чувствуя, как в груди сжимается тугой узел. Он не был суеверным человеком и не верил в мистику, но игнорировать такие совпадения становилось всё труднее. Старый часовщик описывал то же самое, что начинал замечать и он сам: несогласованность времени, странные тени, ощущение, что город живёт в каком-то своём, искажённом ритме.

Он продолжил листать тетрадь, надеясь найти хоть какое-то рациональное объяснение. Но вместо этого наткнулся на всё больше тревожных заметок: о том, как часы вдруг начинали спешить или отставать без видимых причин, о странных звуках, которые иногда слышались из механизмов, будто внутри них что-то шептало, о людях, которые жаловались на «пропущенные» минуты и не могли вспомнить, где были в это время.

В какой-то момент Арсений поймал себя на том, что читает уже не глазами, а каким-то внутренним чутьём, пытаясь уловить скрытый смысл между строк. И вдруг он наткнулся

на схему — грубый набросок, сделанный карандашом на полях. На нём был изображён циферблат с несколькими концентрическими кругами и странной линией, которая шла не по кругу, а пересекала его, как трещина. Рядом была короткая надпись: «Тень — это след. Она показывает, где время было нарушено».

Он долго смотрел на этот набросок, пытаясь понять, что хотел сказать автор. След... нарушение... Что, если тень действительно была не просто оптической иллюзией, а каким-то физическим проявлением искажения времени? Мысль была абсурдной, но она странным образом укладывалась в то, что он уже видел и чувствовал.

Собрав документы, Арсений вернулся к Елене Петровне, чтобы вернуть папки и поблагодарить её. Она посмотрела на него внимательнее, чем обычно.

— Ты какой-то бледный, — заметила она. — Что-то нашёл?

— Так, старые заметки, — уклончиво ответил он, не желая вдаваться в подробности. — Интересно, как раньше подходили к ремонту.

Она кивнула, но в её взгляде читалось сомнение: она явно чувствовала, что дело не только в ремонте.

На улице воздух казался гуще, чем утром, будто город сам по себе стал тяжелее, насыщеннее. Арсений шёл по знакомым улицам, но теперь они выглядели иначе: каждый циферблат, каждый уличный указатель, каждая витрина с ча-

сами казались частью какой-то большой, пока непонятной головоломки. Он ловил себя на том, что автоматически сворачивает время, замечая всё новые расхождения: одни часы спешили, другие отставали, третьи вдруг замирали на несколько секунд, а потом снова шли, будто ничего не произошло.

Проходя мимо старой башни, он невольно поднял голову. Башня была одной из самых высоких в районе, её часы видели все, и именно они всегда считались эталоном точного времени. Сегодня стрелки показывали 12:14. Но на его телефоне было 12:18.

Ещё четыре минуты.

Арсений остановился, чувствуя, как реальность снова начинает ускользать. Он смотрел на башню, пытаясь найти хоть какое-то объяснение, и вдруг заметил нечто странное: на циферблате, рядом с минутной стрелкой, действительно лежала тень — не та, что создавалась самой стрелкой, а другая, чуть более тёмная, будто наложенная поверх. Она двигалась не синхронно со стрелкой, а чуть медленнее, словно отставала на долю секунды.

«Тень на циферблате...» — прошептал он, вспоминая слова старого часовщика.

И в этот момент тень будто дрогнула и на мгновение стала почти чёрной, поглотив часть циферблата. Арсений моргнул, и всё вернулось на свои места: тень снова выглядела обычной, стрелка шла ровно, город шумел привычными звуками.

Но он уже знал: это не игра воображения. Что-то происходило с временем в его районе. И фраза из старых записей теперь казалась не просто метафорой, а предупреждением.

Вернувшись домой, Арсений достал блокнот и начал записывать всё, что успел заметить: время на разных часах, свои ощущения, цитаты из тетради часовщика, описание тени на башне. Он хотел разложить всё по полочкам, найти закономерность, понять, как это работает. Но чем больше он писал, тем яснее становилось: перед ним не обычная техническая проблема, а нечто гораздо более сложное и тревожное.

Вечером, когда за окном стемнело, он снова сел за работу над часами «Павел Буре». Механизмы всегда помогали ему собраться с мыслями, вернуть ощущение порядка. Но сегодня даже привычное тиканье звучало иначе — будто в нём слышался какой-то скрытый ритм, который он раньше не замечал.

Закончив с очередной деталью, Арсений поднял глаза и посмотрел на свои наручные часы. Было 20:45. Он машинально перевёл взгляд на старые механические часы, которые поставил рядом. Они показывали 20:42.

Три минуты.

Он замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Это происходило снова. Время снова начинало расходиться, будто реальность трескалась по швам, и сквозь эти трещины просачивалось что-то чужое, неправильное.

«Нужно найти того, кто поймёт это не как бред, а как факт», — подумал Арсений. И тут же вспомнил о своей знакомой, молодой исследовательнице городских мифов, которая как-то рассказывала ему о странных легендах, связанных со старыми часами и башнями. Возможно, она знала что-то, что помогло бы ему сложить эту головоломку.

Он записал в блокнот: «Завтра поговорить с Мариной. Рассказать про тень. Узнать про легенды района». И, закрыв тетрадь, постарался убедить себя, что всё под контролем. Но где-то в глубине души он понимал: контроль был иллюзией. Время больше не принадлежало ему. Оно стало чем-то большим — и гораздо более опасным.

Глава 3.

Утро началось с ощущения, будто город затаил дыхание. Арсений стоял у окна и смотрел, как первые лучи солнца скользят по крышам, ложатся на фасады домов и высвечивают каждую трещинку в старой штукатурке. В этом свете всё казалось чуть более отчётливым, будто мир пытался доказать свою реальность. Но именно эта отчётливость и пугала: слишком много деталей, слишком много мелких несоответствий, которые раньше он просто не замечал.

На столе лежали его записи: аккуратные столбцы времени, названия улиц, показания разных часов, цитаты из тетради старого часовщика. Рядом — набросок схемы, которую он пытался составить, чтобы увидеть хоть какую-то закономерность. Но цифры не складывались в понятный узор. Они лишь подтверждали одно: время в районе вело себя непоследовательно, и это нельзя было списать на случайность.

Сегодня Арсений решил действовать иначе. Вместо того чтобы снова сидеть над документами или сверять часы, он собирался поговорить с людьми — с теми, кто мог видеть то же самое, но под другим углом. В его списке было три имени, и каждое из них обещало свой взгляд на проблему: друг-скептик, который верил только в факты и логику; пожилая соседка, знавшая все городские легенды; и молодая исследовательница городских мифов, которая умела замечать то,

что другие считали пустяками.

Первым в его маршруте был Кирилл — друг детства, инженер, человек, для которого любое явление имело техническое объяснение. Если кто-то и мог найти рациональное обоснование происходящему, то именно он. Кирилл жил в соседнем квартале, в современном доме с панорамными окнами и минималистичным дизайном, который казался полной противоположностью старого района Арсения.

Когда Кирилл открыл дверь, на его лице мелькнуло привычное выражение лёгкого недоумения, смешанного с иронией. Он был в футболке с принтом какой-то технической схемы и с кружкой кофе в руке.

— Ты что, опять про часы? — спросил он, не дожидаясь приветствия. — Я вчера читал статью про синхронизацию времени в распределённых системах. Если хочешь, могу скинуть, там всё разложено по полочкам.

— Не совсем про синхронизацию, — ответил Арсений, проходя в квартиру. — Тут кое-что... странное.

Кирилл приподнял бровь, но ничего не сказал, только жестом пригласил сесть на диван. Кухня была оборудована по последнему слову техники: кофемашина с сенсорным экраном, умные весы, холодильник с дисплеем. Всё здесь было подчинено логике и удобству, и даже время на электронных часах над плитой выглядело безупречно точным — 10:02.

Арсений начал рассказывать. Он старался держаться фактов: про пропавшие семнадцать минут, про расхождения в

показаниях разных часов, про тень на циферблате, про записи старого часовщика. Он не упоминал про свои страхи и предчувствия, только сухие наблюдения.

Кирилл слушал, не перебивая, но по его лицу было видно, как он мысленно раскладывает рассказ на составляющие, пытаюсь найти слабое звено. Когда Арсений закончил, Кирилл отставил кружку и задумчиво потёр подбородок.

— Ладно, давай по порядку, — начал он. — Пропавшие минуты — это либо сбой восприятия, либо внешнее воздействие, которое ты не заметил. Например, ты мог на мгновение отключиться из-за усталости, стресса или даже микросна. Это бывает.

— Я не спал, — возразил Арсений. — Я помню каждое своё действие до момента, когда поднял глаза.

— Хорошо, — спокойно кивнул Кирилл. — Тогда вариант с внешним воздействием. Может, рядом с тобой что-то сработало — какой-то прибор, электромагнитный импульс, даже резкий звук, который ты не осознал, но который на долю секунды дезориентировал.

Арсений покачал головой.

— В мастерской ничего такого нет. Только лампа, инструменты, сами часы.

— А часы? — подхватил Кирилл. — Ты же работаешь с механизмами, которые могли быть подвержены какому-то воздействию ещё до тебя. Старинные вещи иногда хранят сюрпризы.

— Это не объясняет расхождения во времени на разных часах по всему району, — возразил Арсений.

Кирилл на мгновение задумался, потом встал и подошёл к окну.

— Знаешь, что меня смущает больше всего? — спросил он, глядя на улицу. — То, что ты говоришь о тени. Это уже не физика, это почти поэзия. Тень не может жить своей жизнью. Она — следствие света и формы. Если она ведёт себя странно, значит, странно ведёт себя либо свет, либо форма.

— Именно это я и пытаюсь понять, — тихо сказал Арсений. — Что именно ведёт себя странно.

Кирилл повернулся к нему и посмотрел прямо, без иронии.

— Слушай, я не хочу тебя пугать, но... ты в последнее время нормально спишь? Не перегружаешься? Может, стоит сходить к врачу, просто чтобы исключить физиологические причины?

Арсений почувствовал, как внутри поднимается раздражение, но тут же подавил его. Он понимал, что Кирилл не пытается его обесценить — он просто искал самое простое и безопасное объяснение.

— Спасибо, что беспокоишься, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Но я в порядке. Просто... мне нужно разобраться.

Кирилл кивнул, будто принимая его ответ.

— Тогда давай так: я помогу тебе с технической стороной.

Мы можем поставить датчики, фиксировать электромагнитные поля, температуру, влажность — всё, что может влиять на механизмы. И параллельно будем записывать показания часов. Если есть какое-то внешнее воздействие, мы его поймем.

Арсений почувствовал, как напряжение немного спадает. Наличие плана всегда помогало ему дышать свободнее.

— Спасибо, — искренне сказал он. — Это уже что-то.

Они договорились встретиться через пару дней, когда Кирилл подготовит оборудование. Прощаясь, Кирилл хлопнул его по плечу и улыбнулся, но в его улыбке всё ещё читалась тревога.

Выйдя на улицу, Арсений почувствовал, как прохладный воздух остужает разгорячённые мысли. Следующей в его списке была миссис Волкова — пожилая соседка с первого этажа, та самая, которая помнила легенды о башне. Она жила в квартире, которая казалась музеем прошлого: старые фотографии в рамках, вязанные салфетки, фарфоровые статуэтки и запах ванили, который будто вьёлся в стены.

Миссис Волкова открыла дверь, улыбаясь так, словно уже знала, зачем он пришёл.

— Арсений, дорогой, заходи, заходи, — проговорила она мягким, чуть хрипловатым голосом. — Я как раз заварила чай с мятой. Тебе нужно немного успокоиться, я вижу.

Он вошёл, чувствуя, как с каждым шагом напряжение понемногу отпускает. В этой квартире время будто текло мед-

леннее, спокойнее, не пытаясь никуда спешить.

Они сели за круглый стол, на котором стояла изящная чайная пара и тарелка с домашним печеньем. Миссис Волкова разлила чай и посмотрела на Арсения своими внимательными, чуть усталыми глазами.

— Ты хочешь спросить про башню, да? — спросила она, не дожидаясь, пока он начнёт говорить. — Я видела, как ты вчера стоял под ней и смотрел наверх. И сегодня ты пришёл не просто так.

Арсений кивнул, не зная, с чего начать.

— Да, — признался он. — Я... замечаю странные вещи. Часы показывают разное время, а на циферблате я видел тень, которая двигалась не так, как должна.

Миссис Волкова медленно кивнула, будто всё это было ей давно известно.

— Тень на циферблате, — повторила она тихо, словно пробуя слова на вкус. — Да, я слышала эту фразу. Её повторяли ещё мои родители, а они слышали от своих. В нашем районе всегда говорили, что башня — не просто часы. Она... удерживает время.

Арсений наклонился вперёд, стараясь не упустить ни слова.

— Удерживает? — переспросил он. — Что это значит?

Миссис Волкова отпила чай, собираясь с мыслями.

— Есть легенда, — начала она, глядя куда-то вдаль, будто вспоминая картинки из прошлого. — Говорят, что когда-то

давно, ещё до революции, в башне жил мастер, который умел управлять временем. Не буквально, конечно, но он понимал его так глубоко, что мог чувствовать, когда оно начинает «рассыпаться». Он создал механизм, который поддерживал равновесие: не давал времени течь слишком быстро или слишком медленно, не позволял ему рваться на куски.

— И башня была этим механизмом? — уточнил Арсений.

— Да. И не только башня. По всему району были расставлены точки — места, где время особенно чутко реагировало на изменения. Башня была сердцем, а остальные точки — его нервами. Мастер следил за всем этим, и пока он был жив, время шло ровно.

— А потом? — спросил Арсений, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Миссис Волкова вздохнула.

— Потом он исчез. Никто не знает, куда. Говорили, что он ушёл, потому что понял: люди не готовы к такой силе. Или что время само забрало его, потому что он слишком долго с ним играл. С тех пор механизм начал работать хуже. Сначала были мелкие сбои: часы спешили, отставали, стрелки дрожали. Потом стали пропадать минуты, а люди их не помнили. А потом появилась тень.

— Тень, — повторил Арсений, сжимая пальцы в кулаки.

— Да. Говорят, что тень — это след времени, которое было нарушено. Она появляется там, где равновесие сломалось. И чем больше таких мест, тем сильнее тень. Она не

просто лежит на циферблате — она показывает, где время стало хрупким.

Арсений смотрел на миссис Волкову, пытаясь понять, верит ли она сама в эту легенду или просто пересказывает старую сказку. Но в её словах было что-то большее, чем вымысел: в них чувствовалась память целого района, накопленная годами наблюдений и разговоров.

— Вы думаете, что это правда? — спросил он осторожно. Миссис Волкова пожала плечами.

— Правда — сложное слово. Но люди не просто так придумывают легенды. Они пытаются объяснить то, что чувствуют. А в нашем районе многие чувствуют, что время... не такое, как везде. Кто-то замечает, что часы врут, кто-то — что минуты пропадают. Кто-то просто чувствует, что город живёт в другом ритме.

Она замолчала, глядя на него с лёгкой грустью.

— Будь осторожен, Арсений, — добавила она тихо. — Если время действительно начало ломаться, это не шутки. Оно может сломать и тебя.

Он кивнул, не зная, что ответить. Слова миссис Волковой не давали ему ответов, но они добавляли новый слой к тому, что он уже знал. Теперь это была не только техническая проблема и не только его личное ощущение — это было что-то, что касалось всего района.

Покинув квартиру миссис Волковой, Арсений почувствовал себя одновременно и легче, и тяжелее. Легче — потому

что теперь он знал, что не один замечает странности. Тяжелее — потому что легенда придавала этим странностям злобующий оттенок, превращая их из технических сбоев в нечто гораздо более серьёзное.

Последней в его списке была Марина — молодая исследовательница городских мифов, с которой он познакомился на одной из краеведческих встреч. Она была из тех людей, которые видели историю в каждом кирпиче и слышали легенды в каждом шуме города. Её блог о городских тайнах был популярен среди любителей мистики, но при этом она старалась опираться на факты, собирая слухи, архивные заметки и свидетельства очевидцев.

Марина ждала его в маленьком кафе на углу, за столиком у окна. На ней была свободная рубашка, шарф с геометрическим узором и очки в тонкой оправе. Перед ней лежал блокнот, исписанный мелким почерком, и чашка остывшего кофе. Когда она увидела Арсения, её лицо озарилось улыбкой.

— Привет! — воскликнула она, отодвигая стул напротив. — Я так рада, что ты пришёл. Ты говорил, что у тебя есть что-то интересное про башню?

Он сел, чувствуя, как в груди снова нарастает напряжение. Рассказывать всё ещё раз было непросто, но Марина слушала не как скептик и не как хранительница легенд — она слушала как исследователь, который ищет связи.

Когда он закончил, она откинулась на спинку стула и задумчиво постучала пальцем по обложке блокнота.

— Знаешь, это очень похоже на то, что я собираю уже несколько месяцев, — сказала она наконец. — Я заметила, что в этом районе люди часто говорят о «пропущенных» минутах. Кто-то опаздывает, потому что «не заметил, как время пролетело», кто-то вспоминает, что «на мгновение всё замерло». Сначала я думала, что это просто совпадения или особенности восприятия, но потом начала замечать закономерности.

— Какие? — спросил Арсений, наклоняясь вперёд.

— Во-первых, все эти случаи связаны с определёнными местами — чаще всего рядом с башней или с другими старыми часами. Во-вторых, многие упоминают тень. Не просто тень от стрелки, а какую-то другую, неправильную. В-третьих, почти все, кто об этом говорит, чувствуют тревогу. Как будто они на мгновение теряют контроль над реальностью.

Она открыла блокнот и показала ему страницу, исписанную заметками и соединёнными стрелками.

— Я пыталась составить карту этих мест, — объяснила она. — Вот башня, вот старые уличные часы, вот кафе, где одна женщина сказала, что «время остановилось на три минуты». Вот двор, где мальчик утверждал, что видел, как тень на часах двигалась назад.

Арсений смотрел на карту, чувствуя, как кусочки головоломки начинают складываться.

— Ты думаешь, это связано? — спросил он тихо.

Марина кивнула.

— Думаю, да. И ещё я думаю, что башня — это ключ. Она не просто показывает время, она как-то влияет на него. Может быть, механизм башни создаёт поле, которое искажает восприятие времени в радиусе нескольких кварталов. Или это что-то более сложное — может быть, даже связанное с историей района.

Она помолчала, будто подбирая слова.

— Я не знаю, как это работает с научной точки зрения, — призналась она. — Но с точки зрения городской мифологии это имеет смысл. Башня — это место силы, точка, где время особенно уязвимо. И если что-то в механизме сломалось или изменилось, это могло вызвать цепную реакцию.

Арсений слушал её, и впервые за последние дни он почувствовал, что не одинок в своих поисках. У него были союзники: Кирилл, который искал рациональное объяснение; миссис Волкова, которая хранила память района; и Марина, которая видела связи там, где другие видели только совпадения.

— Что нам делать дальше? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Марина улыбнулась, но в её улыбке не было легкомыслия — только решимость.

— Давай соберём всё вместе. Твои наблюдения, технические данные, которые поможет собрать Кирилл, легенды миссис Волковой и мою карту. Может быть, тогда мы сможем понять, что происходит. И главное — как это остановить.

Они договорились встретиться через несколько дней, когда у Кирилла будет готово оборудование. Марина обещала принести все свои записи и фотографии мест, где люди замечали странности. Арсений чувствовал, как внутри разгорается слабый огонёк надежды: возможно, вместе они смогут найти ответ.

Возвращаясь домой, он снова проходил мимо башни. На этот раз он смотрел на неё не как на архитектурный памятник, а как на загадку, которую нужно разгадать. Стрелки показывали 15:47, а на его телефоне было 15:51. Четыре минуты разницы. Тень на циферблате лежала спокойно, но теперь он знал: она была не просто тенью. Она была следом.

Дома он достал блокнот и начал записывать всё, что узнал сегодня. Он фиксировал не только факты, но и свои ощущения, чтобы не потерять ни одной детали. Когда он закончил, солнце уже садилось, окрашивая город в тёплые, почти золотые тона. Но даже в этом свете он видел, как тонкие нити странностей оплетают район, связывая прошлое и настоящее, легенды и факты, страхи и надежды.

Перед сном он снова посмотрел на часы. Они шли ровно, секунда за секундой. Но теперь он знал: время было не таким простым, как казалось. Оно было хрупким, изменчивым и гораздо более могущественным, чем он мог себе представить. И тень на циферблате была не врагом, а предупреждением — о том, что равновесие нарушено и его нужно восстановить.

Глава 4.

Дождь начался неожиданно — не с тяжёлых, медленных капель, а с мелкой, почти невидимой мороси, которая оседала на пальто Арсения тонкой влажной вуалью и заставляла прохожих торопиться, втягивая головы в плечи. Он шёл к архиву, сжимая в руке потрёпанный блокнот, страницы которого уже пестрели пометками, стрелками и обведёнными кружками датами. В голове звучали слова Марины: «Собери всё вместе», и он чувствовал, что именно в бумагах, в старых отчётах и чертежах, спрятан ключ, который соединит легенду и реальность.

Архив встретил его привычной полутьмой и запахом старой бумаги, который был ему почти родным. Здесь время будто замедлялось, оседало слоями на полках, превращаясь в папки, перевязанные бечёвкой, в пожелтевшие листы, в аккуратные, выцветшие чернила. Елена Петровна, хранительница архива, сидела за своим столом и перебирала карточки каталога. При виде Арсения она чуть приподняла очки и улыбнулась.

— Снова за часами? — спросила она с лёгкой иронией, но в её голосе слышалось одобрение. — Ты, кажется, единственный, кто ещё заглядывает в эти технические дела. Всё остальное сейчас ищут про революцию, про купеческие дома, про старые фотографии. А ты — про шестерёнки.

— Именно про шестерёнки, — кивнул Арсений, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё было натянуто, как струна. — На этот раз мне нужно что-то более конкретное. Документы по механизму башни. Любые: чертежи, отчёты, даже заметки мастеров. Всё, где упоминается, как она работает не просто как часы, а как... система.

Елена Петровна прищурилась, будто пытаясь прочесть между строк то, чего он не сказал вслух.

— Система, — повторила она задумчиво. — Это ты хорошо сказал. В старых бумагах часто встречается слово «синхронизация». Не просто «починить», а «синхронизировать». Как будто время нужно было не только показывать, но и держать в узде.

Она встала, шурша длинной юбкой, и направилась к дальнему шкафу, где хранились документы по городскому хозяйству и инженерным сооружениям. Шкаф был массивным, с тяжёлыми дверцами, которые открывались с тихим скрипом, будто нехотя отдавая свои секреты.

— Вот, — сказала она, доставая несколько папок и кладя их на стол. — Тут отчёты по башне за последние пятьдесят лет. А вот это, — она протянула тонкую тетрадь в потрёпанном переплёте, — личные записи мастера, который обслуживал башню в шестидесятых. Он был очень дотошным. Писал не только про поломки, но и про ощущения: «стрелка дрожит», «ход неровный», «время будто упирается». Станные формулировки для инженера, но, может, тебе они при-

годятся.

Арсений взял тетрадь, чувствуя, как пальцы слегка дрожат от предвкушения.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Это именно то, что нужно.

Елена Петровна кивнула и вернулась к своим карточкам, оставив его наедине с прошлым.

Он устроился за дальним столом, где свет лампы падал ровно, не слепил глаза и позволял разглядеть даже самые мелкие детали в старых записях. Сначала он взялся за отчёты — сухие, официальные, с колонками цифр и техническими терминами. Там говорилось о замене шестерёнок, о чистке механизмов, о регулировке маятника. Всё это было важно, но не давало ответа на главный вопрос: как башня удерживала время?

Постепенно он начал замечать повторяющиеся фразы, которые раньше казались просто профессиональным жаргоном. В нескольких отчётах упоминались «точки синхронизации» — места в районе, где время проверяли и выравнивали относительно башни. В одном из документов говорилось о «корректирующих часах» — небольших механизмах, которые устанавливали в ключевых точках, чтобы сглаживать мелкие расхождения.

Фраза «корректирующие часы» зацепила его, как крючок. Он выписал её в блокнот, обвёл несколько раз и подчёркнул. Это было то самое звено, которое он искал: не просто часы,

а инструменты для выравнивания времени.

Перейдя к тетради мастера, он погрузился в другой мир — мир наблюдений, сомнений и попыток найти логику в том, что казалось необъяснимым. Мастер писал о том, как время в районе будто «сопротивлялось» настройке: стрелки шли ровно, но ощущение было такое, будто сам механизм работал против них. Он упоминал, что иногда приходилось использовать корректирующие часы, чтобы «подтянуть» время в отдельных кварталах, иначе расхождения становились слишком заметными.

Одна из записей особенно привлекла внимание Арсения: «Сегодня снова пришлось ставить корректирующие часы на углу Ленина и Мира. Без них время в этом квартале отставало на три-четыре минуты, и люди начинали жаловаться. Но самое странное — после настройки часы на башне тоже немного меняли ход, будто реагировали на изменение в районе. Как будто вся система связана, и любое вмешательство отзывается эхом».

Арсений замер, перечитывая эти строки. Эхо... Система... Он начал понимать, что башня была не просто точкой отсчёта, а частью сложной сети, где каждый элемент влиял на остальные. И если один из элементов выходил из строя, это вызывало цепную реакцию.

Дальше шли упоминания о карте точек синхронизации — о том, что такие точки были нанесены на специальную схему, которая хранилась в техническом отделе. Арсений записал

это в блокнот: «Найти схему точек синхронизации». Если она существовала, она могла стать картой аномалий, картой тех мест, где время было особенно уязвимо.

Продолжая листать тетрадь, он наткнулся на грубый набросок, сделанный карандашом на полях. На нём был изображён циферблат башни с несколькими линиями, расходящимися от центра, как лучи. Рядом были короткие пометки: «Точка 1 — перекрёсток», «Точка 2 — старый рынок», «Точка 3 — школа». Это и были точки синхронизации. Он аккуратно перерисовал схему в свой блокнот, стараясь не упустить ни одной детали.

Когда он поднял голову, чтобы немного размять шею, то заметил, что в зале стало темнее. Дождь усилился, и узкие окна почти не пропускали свет. Елена Петровна собирала карточки, готовясь закрывать архив.

— Нашёл что-нибудь? — спросила она, подходя ближе.

— Да, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — По крайней мере, теперь я понимаю, что башня — это не просто часы. Это центр системы, которая синхронизирует время в районе. И были специальные корректирующие часы, которые помогали выравнивать мелкие расхождения.

Елена Петровна задумчиво кивнула.

— Я помню, как в детстве слышала разговоры о том, что время нужно «держатъ». Тогда это казалось просто странной фразой. А теперь, когда ты рассказываешь, в ней появляется смысл.

Она помолчала, будто решая, стоит ли говорить дальше.

— Если тебе нужна схема точек синхронизации, поищи в фонде технического отдела. Там хранятся старые инженерные планы. Они не оцифрованы, так что придётся листать вручную. Но если они есть, ты их найдёшь.

Арсений поблагодарил её и начал собирать документы. Он чувствовал, что подошёл к чему-то важному, но ещё не мог ухватить это целиком.

На улице дождь хлестал уже всерьёз, и Арсений натянул капюшон, стараясь укрыться от холодных струй. Вода стекала по стёклам витрин, размывая отражения, и город казался зыбким, как будто его контуры были нарисованы на воде. Он шёл быстро, почти бежал, чувствуя, что каждая минута на счету.

Дома он разложил на столе все свои записи: отчёты, тетрадь мастера, набросок схемы, свои собственные пометки. Перед ним лежала мозаика, кусочки которой начинали складываться в общую картину. Башня — центр. Точки синхронизации — нервы системы. Корректирующие часы — инструменты для выравнивания. И тень на циферблате — признак того, что система начала давать сбои.

Он достал телефон и написал Марине: «Нашёл упоминания о корректирующих часах и точках синхронизации. Есть грубая схема. Нужно найти полный план из технического отдела. Поможешь?»

Ответ пришёл почти сразу: «Да! У меня есть контакты в

техотделе — друг работает в городском музее, у них есть доступ к фондам. Завтра попробую договориться о просмотре. Держи схему под рукой».

Затем он написал Кириллу: «Есть зацепка по механизму башни. Нашли упоминания о системе синхронизации и корректирующих часах. Если сможешь подготовить датчики для замеров в нескольких точках, было бы идеально».

Кирилл ответил: «Уже собираю комплект. Завтра покажу, что есть. И подумаю, как связать замеры с картой точек. Если система действительно существует, мы сможем поймать аномалию на данных».

Арсений отложил телефон и снова посмотрел на схему. Теперь она казалась ему не просто набором линий, а картой битвы — битвы за время. Он понимал, что впереди его ждёт много работы: нужно найти полный план, проверить точки, собрать данные. Но впервые за последние дни он чувствовал не только тревогу, но и азарт — азарт исследователя, который стоит на пороге открытия.

Вечером он снова сел за реставрацию часов «Павел Буре». Механизмы всегда помогали ему собраться с мыслями, вернуть ощущение порядка. Он аккуратно подкручивал винты, проверял ход, слушал, как тихо щёлкают шестерёнки. В этом звуке было что-то успокаивающее — ритм, который не зависел от аномалий и теней.

Закончив с очередной деталью, он поднял глаза и посмотрел на свои наручные часы. Было 21:15. Он машинально пе-

ревёл взгляд на старые механические часы, которые поставил рядом. Они показывали 21:12.

Три минуты.

Он замер, чувствуя, как внутри снова поднимается волна тревоги. Это происходило снова. Время снова начинало расходиться, будто реальность трескалась по швам. Но на этот раз он не стал паниковать. Вместо этого он достал блокнот и записал точное время, показания обоих часов и свои ощущения. Он фиксировал аномалию, чтобы потом сравнить её с данными, которые соберут Кирилл и Марина.

Перед сном он ещё раз просмотрел все записи, стараясь увидеть закономерность. Он заметил, что расхождения чаще всего происходили в определённые часы — вечером, когда город затихал, и утром, когда он просыпался. Возможно, это было связано с нагрузкой на систему: днём, когда люди спешили, время шло ровнее, а ночью и утром оно становилось уязвимее.

Закрыв блокнот, он лёг в кровать, но долго не мог уснуть. В голове крутились фразы из тетради мастера: «время будто упирается», «система связана», «эхо». Теперь эти слова звучали не как метафоры, а как технические термины, описывающие реальную проблему.

Ему снилось, что он стоит под башней, а стрелки часов крутятся в обратную сторону, и тень ползёт по циферблату, поглощая цифры одну за другой. Он пытался остановить её, но каждый раз, когда он протягивал руку, тень ускользала,

оставляя после себя пустоту.

Проснулся он с ощущением, будто не столько отдохнул, сколько отработал ночную смену в пустом цехе, где единственным звуком было бесконечное тиканье. Но теперь он знал: он не один. У него есть союзники, у него есть план, и у него есть шанс разобраться в том, что происходит с временем в его районе.

Глава 5.

Утро началось с ощущения хрупкой собранности — будто Арсений удерживал реальность на кончиках пальцев, и стоило чуть ослабить хватку, как всё рассыплется на неровные, нестыкующиеся куски. Он проснулся рано, ещё до того, как первые лучи солнца успели разогнать серую дымку над дворами. За окном было тихо, только изредка слышался далёкий гул проезжающего трамвая — ритмичный, успокаивающий, почти как тиканье надёжного механизма.

Арсений не стал заваривать кофе сразу. Вместо этого он сел у окна, достал блокнот и перечитал свои записи: показания часов в разных точках района, схему точек синхронизации, цитаты из тетради старого мастера. Теперь эти строки складывались не в набор случайностей, а в тревожную закономерность. Особенно его цепляла фраза: «время будто упирается». Он всё чаще чувствовал это «упирание» — словно воздух становился плотнее, секунды наливались тяжестью, а потом вдруг срывались куда-то вперёд, оставляя его позади.

Сегодня у него была назначена встреча в небольшом кафе неподалёку — том самом, которое Марина упоминала в своих заметках как одну из «точек странностей». Она обещала принести копии документов из технического отдела, а Кирилл должен был показать первые наброски схемы датчиков, которые они собирались установить в ключевых местах.

Арсений хотел прийти пораньше, чтобы осмотреться, почувствовать атмосферу места, которое, возможно, было не просто кафе, а одним из узлов искажённой сети времени.

Он вышел из дома, когда город только начинал просыпаться. Редкие прохожие спешили по своим делам, дворники сметали опавшие листья, из приоткрытых окон доносились приглушённые голоса и звон посуды. Всё выглядело привычно, но теперь каждая деталь казалась чуть-чуть неправильной — как будто мир был слегка расстроен, как старый рояль, где клавиши нажимаются не совсем так, как должны.

Кафе называлось просто — «Уголок». Небольшая вывеска с выцветшими буквами висела над дверью, а витрина была украшена горшками с зелёными растениями, которые каким-то чудом выживали в полумраке улицы. Внутри пахло свежей выпечкой, крепким кофе и чуть-чуть — старым деревом. Несколько столиков были заняты: кто-то читал газету, кто-то тихо разговаривал, кто-то просто смотрел в окно, будто пытаясь поймать ускользающий момент.

Арсений выбрал столик у окна, откуда открывался вид на перекрёсток и часть улицы, ведущей к башне. Он заказал чашку чёрного кофе и круассан, стараясь держаться спокойно, будто это был обычный день, а не начало чего-то важного. Официантка, молодая девушка с усталыми, но добрыми глазами, улыбнулась ему и пообещала принести заказ через пару минут.

Пока он ждал, Арсений снова достал блокнот и начал за-

писывать свои наблюдения: время (8:47), температуру (прохладно, но не холодно), уровень шума (умеренный, с фоновым гулом улицы), расположение столиков и дверей. Он хотел зафиксировать всё, что могло иметь значение, если позже случится что-то странное.

Когда кофе и круассан наконец появились на столе, он сделал первый глоток и почувствовал, как тепло разливается по телу, возвращая ощущение реальности. Он откусил кусочек круассана, закрыл глаза на мгновение и попытался просто быть здесь и сейчас, не думая о тенях, часах и аномалиях.

И именно в этот момент всё замерло.

Сначала он не понял, что происходит. Мир не потемнел, не задрожал, не рассыпался на пиксели — он просто... остановился. Звук исчез. Не стал тише, не превратился в гул, а именно исчез, будто кто-то выключил его на пульте. Движение прекратилось. Официантка, которая только что поставила на соседний столик чашку с чаем, застыла в полупоклоне, её рука была вытянута, пальцы чуть согнуты, а на лице застыло выражение лёгкой улыбки. Чашка висела в воздухе, не падая, не дрожа, будто время решило сделать паузу именно на этом мгновении.

Мужчина за соседним столиком, который только что собирался отпить кофе, замер с поднятой чашкой. Его глаза были открыты, взгляд устремлён вперёд, но в нём не было ни удивления, ни страха — только пустота, как будто сознание тоже остановилось. Женщина у окна, смотревшая в телефон,

застыла с приподнятой бровью и слегка приоткрытым ртом, будто собиралась что-то сказать, но так и не успела. Даже пар, поднимавшийся от чашек, застыл в воздухе тонкими, неподвижными завитками, похожими на нарисованные линии.

Арсений почувствовал, как внутри всё сжимается в тугий узел. Он хотел пошевелиться, крикнуть, сделать хоть что-то, но тело будто не слушалось его. Он мог дышать, мог моргать, мог думать, но не мог встать, не мог протянуть руку, не мог даже повернуть голову. Он был заперт в собственном теле, как в стеклянной клетке, и мог только наблюдать за застывшим миром.

Время будто вынули из реальности, оставив вместо него пустоту.

Он пытался считать секунды, чтобы не сойти с ума. «Одна, две, три...» Но счёт не помогал. Каждая секунда тянулась бесконечно, как будто растягивалась, наливалась тяжестью, а потом вдруг обрывалась, не переходя в следующую. Он не знал, сколько прошло времени — минута, пять, десять? Ему казалось, что он застрял в этой паузе навсегда, что мир больше не запустится, что эта тишина станет вечной.

Но потом что-то изменилось.

Сначала появился звук — не сразу, не громко, а постепенно, как будто кто-то медленно поворачивал ручку громкости. Сначала это был едва уловимый гул, похожий на шёпот ветра, потом к нему добавились отдельные звуки: звон чашки,

скрип стула, чей-то вздох. Затем вернулись движения. Официантка наконец поставила чашку на стол, будто ничего не произошло. Мужчина поднёс чашку к губам и сделал глоток, будто и не застывал вовсе. Женщина у окна моргнула, посмотрела на экран телефона, нахмурилась и что-то быстро напечатала.

Мир снова ожил, но теперь он казался чуть-чуть другим — как будто после паузы все немного сместились, заняли не совсем те места, где были до этого. И самое странное — никто не выглядел удивлённым, никто не оглядывался по сторонам, будто не заметил, что время остановилось. Для них это было обычное утро, обычный день, обычная жизнь.

Только Арсений знал, что что-то произошло.

Он сидел, сжимая пальцами край стола, и пытался унять дрожь в руках. Кофе перед ним остывал, круассан лежал нетронутым, а в голове крутились одни и те же вопросы: «Что это было? Сколько длилось? Почему никто не заметил?» Он посмотрел на свои наручные часы: 8:50. Потом на телефон: 8:51. На электронные часы над кассой: 8:51.

Три минуты.

Именно столько длилась пауза. Три минуты, которые выпали из реальности, а потом вернулись, будто ничего и не было.

В этот момент дверь кафе открылась, и внутрь вошли Марина и Кирилл. Марина была в свободной куртке, с рюкзаком за спиной и папкой в руках; её глаза светились азартом

исследователя, который вот-вот найдёт что-то важное. Кирилл шёл рядом, хмурясь и что-то объясняя, размахивая руками. Они выглядели так, будто ничего необычного не произошло, будто мир не останавливался на три минуты.

— Привет! — воскликнула Марина, заметив Арсения, и направилась к его столику. — Прости, что немного опоздала. На перекрёстке пробка, какой-то грузовик застрял.

Она села напротив, положила папку на стол и улыбнулась, будто весь мир был на своих местах.

Кирилл сел рядом, достал из сумки небольшой прибор с экраном и кнопками и поставил его на стол.

— Это прототип датчика, — объяснил он, кивнув на устройство. — Он фиксирует электромагнитные поля, температуру, влажность и ещё несколько параметров. Я настроил его так, чтобы он записывал данные с высокой частотой. Если есть какое-то аномальное воздействие, мы его поймем.

Арсений смотрел на них, пытаясь подобрать слова. Ему хотелось рассказать им о том, что только что произошло, хотелось, чтобы они тоже заметили эту странность, чтобы для них мир тоже на мгновение остановился. Но слова застревали в горле, будто он боялся, что они не поверят, что сочтут его сумасшедшим, что скажут: «Тебе показалось», «Это просто усталость», «Ты слишком много думаешь о времени».

— Ты как? — спросила Марина, наклоняясь вперёд и внимательно глядя на него. — Ты какой-то бледный. Что-то слу-

чилось?

Он открыл рот, чтобы рассказать, но вместо этого услышал свой собственный голос, говорящий что-то будничное:

— Всё в порядке. Просто... немного нервничаю. Сегодня важный день.

Марина кивнула, будто принимая его ответ, хотя в её взгляде читалось сомнение.

— Понимаю, — тихо сказала она. — Мы все немного нервничаем. Но у нас есть план, и мы разберёмся.

Кирилл включил датчик, и на экране побежали цифры: температура, влажность, уровень электромагнитного поля. Всё было в пределах нормы, будто ничего странного не происходило.

— Я принёс копии документов из технического отдела, — сказала Марина, открывая папку и доставая несколько листов с пожелтевшими краями и выцветшими чернилами. — Это схема точек синхронизации. Не полная, но на ней отмечены основные узлы: башня, старый рынок, школа, и... это кафе.

Она положила лист перед Арсением, и он увидел, как на схеме, рядом с условным обозначением кафе, стояла маленькая пометка: «Точка 7».

— Точка 7, — повторил он тихо, глядя на схему. — Значит, это место действительно важно.

Марина кивнула.

— Да. И в примечаниях говорится, что здесь раньше сто-

или корректирующие часы. Их сняли лет двадцать назад, когда начали реконструкцию улицы. Возможно, именно после этого начались первые заметные сбои.

Арсений посмотрел на датчик Кирилла, на схему Марины, на свои записи — и вдруг понял, что не может больше молчать.

— Здесь только что произошло что-то странное, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя голос слегка дрожал. — На три минуты всё замерло. Звуки, движения, даже пар от чашек — всё остановилось. А потом снова продолжилось, будто ничего не было. И никто, кроме меня, этого не заметил.

Кирилл нахмурился, будто пытался найти рациональное объяснение.

— Три минуты, — повторил он, глядя на датчик. — И никаких аномалий в показаниях. Ни скачков напряжения, ни резких изменений температуры, ни всплесков электромагнитного поля. Если это был какой-то внешний импульс, он не оставил следов.

Марина слушала, не перебивая, но в её глазах читался живой интерес.

— А ты уверен, что это не было... восприятием? — осторожно спросила она. — Иногда мозг может создавать иллюзии, особенно если человек находится в стрессе или слишком сосредоточен на чём-то.

Арсений покачал головой.

— Я уверен. Я видел это. Я чувствовал это. Это было не в моей голове. Это было здесь, в этом кафе, в этом мире.

Они замолчали, будто каждый пытался осмыслить его слова. В воздухе повисла тишина, более тяжёлая, чем обычная пауза в разговоре.

Наконец Кирилл вздохнул и посмотрел на Арсения прямо, без иронии и без скепсиса.

— Ладно, — сказал он тихо. — Допустим, ты прав. Допустим, здесь действительно произошёл какой-то локальный сбой. Тогда нам нужно зафиксировать его, если он повторится. Я оставлю датчик здесь, настрою его на непрерывную запись. Если будет аномалия, мы её увидим.

Марина достала из рюкзака небольшой диктофон и положила его рядом с датчиком.

— А я буду записывать всё, что происходит: звуки, разговоры, любые странности. И ещё я сфотографирую кафе с разных ракурсов, чтобы потом сравнить, если что-то изменится.

Арсений кивнул, чувствуя, как напряжение понемногу спадает. Теперь он был не один. Теперь у него были союзники, которые готовы были поверить ему, даже если не до конца понимали, что происходит.

Они начали обсуждать план действий: где установить датчики, какие точки проверить в первую очередь, как синхронизировать данные. Кирилл чертил на салфетке схему, Марина делала заметки в блокноте, а Арсений пытался сосре-

доточиться на разговоре, но его мысли то и дело возвращались к тем трём минутам, когда мир замер.

Через некоторое время они заказали ещё кофе и бутерброды, и разговор стал менее напряжённым, более будничным. Они обсуждали детали, спорили о методах, смеялись над мелкими неудачами. Для постороннего наблюдателя это была обычная встреча друзей, которые решили вместе поработать над каким-то проектом. Но Арсений знал: они стояли на пороге чего-то большого, чего-то, что могло изменить их представление о мире.

Когда они закончили обсуждать план, Кирилл собрал свои приборы, а Марина убрала документы в папку. Они договорились встретиться завтра, чтобы начать первые замеры.

Перед тем как выйти из кафе, Арсений ещё раз огляделся, будто пытаясь запомнить каждую деталь: расположение столиков, узор на шторах, тени на полу. Ему казалось, что если он будет достаточно внимателен, то сможет заметить любые изменения, любые отклонения от нормы.

На улице воздух был прохладным, но уже не таким промозглым, как утром. Дождь прекратился, и мокрые тротуары блестели в лучах солнца, как полированный металл. Город снова жил своей обычной жизнью: машины ехали, люди спешили, витрины магазинов манили яркими вывесками. Всё выглядело нормально, привычно, безопасно.

Но Арсений знал: под этой привычной оболочкой пряталась другая реальность — та, где время могло останавливать-

ся, где тени жили своей жизнью, где старые механизмы хранили секреты, способные изменить ход вещей.

Возвращаясь домой, он снова проходил мимо башни. Стрелки показывали 11:23, а на его телефоне было 11:25. Две минуты разницы. Тень на циферблате лежала спокойно, но теперь он знал: она была не просто тенью. Она была следом, меткой, предупреждением.

Дома он достал блокнот и записал всё, что произошло в кафе: точное время начала и окончания сбоя, свои ощущения, показания часов, реакцию Марины и Кирилла. Он фиксировал каждую деталь, чтобы позже проанализировать её, найти закономерность, понять, как это работает.

Вечером, когда за окном стемнело, он снова сел за реставрацию часов «Павел Буре». Механизмы всегда помогали ему собраться с мыслями, вернуть ощущение порядка. Он аккуратно подкручивал винты, проверял ход, слушал, как тихо щёлкают шестерёнки. В этом звуке было что-то успокаивающее — ритм, который не зависел от аномалий и теней.

Закончив с очередной деталью, он поднял глаза и посмотрел на свои наручные часы. Было 20:45. Он машинально перевёл взгляд на старые механические часы, которые поставил рядом. Они показывали 20:42.

Три минуты.

Он замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Это происходило снова. Время снова начинало расходиться, будто реальность трескалась по швам. Но на этот раз он не стал

паниковать. Вместо этого он достал блокнот и записал точное время, показания обоих часов и свои ощущения. Он фиксировал аномалию, чтобы потом сравнить её с данными, которые соберут Кирилл и Марина.

Перед сном он ещё раз просмотрел все записи, стараясь увидеть закономерность. Он заметил, что сбои происходили в определённых местах — там, где раньше стояли корректирующие часы или где находились точки синхронизации. Возможно, эти места были уязвимыми, как слабые звенья в цепи, и любое нарушение в них вызывало цепную реакцию.

Закрыв блокнот, он лёг в кровать, но долго не мог уснуть. В голове крутились образы застывшего кафе: официантка с вытянутой рукой, чашка в воздухе, неподвижные завитки пара. Ему казалось, что если он закроет глаза, то снова увидит эту картину, что она будет преследовать его в снах, напоминая о том, что мир не так прост, как кажется.

Ему снилось, что он стоит под башней, а стрелки часов крутятся в обратную сторону, и тень ползёт по циферблату, поглощая цифры одну за другой. Он пытался остановить её, но каждый раз, когда он протягивал руку, тень ускользала, оставляя после себя пустоту. А потом он видел кафе, застывшее во времени, и понимал, что это только начало — что впереди его ждёт ещё много таких пауз, таких трещин в реальности, таких моментов, когда мир будет замирать, а он будет единственным, кто это заметит.

Проснулся он с ощущением, будто не столько отдохнул,

сколько отработал ночную смену в пустом цехе, где единственным звуком было бесконечное тиканье. Но теперь он знал: он не один. У него есть союзники, у него есть план, и у него есть шанс разобраться в том, что происходит с временем в его районе.

Глава 6.

Утро выдалось на удивление спокойным — будто город, устав от собственных странностей, решил дать Арсению короткую передышку. Туман стелился по дворам, цеплялся за карнизы и перила, растворял чёткие линии фасадов в мягкой дымке. Арсений стоял у окна, держа в руках чашку остывшего кофе, и смотрел, как первые лучи солнца медленно пробиваются сквозь серую пелену, будто осторожно прощупывают пространство, проверяя, не изменилось ли что-то за ночь.

В голове крутились обрывки вчерашнего: застывшее кафе, неподвижные люди, пар, застывший в воздухе, как нарисованный. Три минуты, которые выпали из реальности и вернулись, будто ничего не было. Никто, кроме него, этого не заметил. Даже Марина и Кирилл, хоть и поверили ему, всё ещё искали рациональные объяснения, пытались вписать аномалию в привычные рамки физики и техники. Но Арсений чувствовал: дело не в датчиках и не в электромагнитных полях. Дело было в самой природе времени в этом районе — в том, как оно дышало, спотыкалось, замирало.

Сегодня он собирался снова поговорить с миссис Волковой. В её словах, в её легендах было что-то, что отзывалось внутри него, будто старая память, которую он когда-то знал, но забыл. Он надеялся, что она расскажет ещё что-нибудь о башне, о времени, о тенях — о чём-то, что поможет ему

сложить мозаику.

Он надел пальто, накинул шарф и вышел на лестничную площадку. Дом встретил его привычным скрипом половиц и запахом старого дерева, смешанным с чем-то едва уловимым — то ли ванилью, то ли корицей, то ли просто воспоминанием о тепле. Спускаясь по лестнице, он вдруг заметил, что на стене, возле двери миссис Волковой, висит старая фотография в простой деревянной рамке: на ней была изображена башня в окружении невысоких домов, которых теперь уже не существовало. На циферблате башни лежала тёмная тень, странная, будто не от стрелки, а от чего-то другого — от фигуры, которой на фото не было.

Арсений остановился, всматриваясь в снимок. Тень выглядела почти живой, будто пыталась вырваться из плоскости фотографии и лечь на реальный циферблат. Он протянул руку, чтобы потрогать стекло, но тут же отдёргнул её, почувствовав, как по коже пробежал холодок. В этот момент дверь миссис Волковой приоткрылась, и она выглянула наружу, улыбаясь так, словно знала, что он стоит здесь.

— Арсений, дорогой, заходи, заходи, — проговорила она мягким, чуть хриловатым голосом. — Я как раз заварила чай с мятой. Чувствую, тебе сегодня нужно что-то успокаивающее.

Он вошёл, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. В квартире миссис Волковой время будто текло медленнее, спокойнее, не пытаясь никуда спешить. Здесь всё бы-

ло на своих местах: старые фотографии, вязанные салфетки, фарфоровые статуэтки, полки с книгами в потрёпанных переплётках. Пахло ванилью и сухими травами, и этот запах был почти таким же надёжным, как тиканье хороших часов.

Они сели за круглый стол, на котором уже стояли изящная чайная пара и тарелка с домашним печеньем. Миссис Волкова разлила чай и посмотрела на Арсения своими внимательными, чуть усталыми глазами.

— Ты пришёл не просто так, — сказала она, не спрашивая, а утверждая. — Вижу по глазам: что-то случилось. Расскажи.

И Арсений рассказал. Он говорил не спеша, стараясь не упускать ни одной детали: про кафе, про три минуты, когда всё замерло, про то, как никто, кроме него, этого не заметил, про датчики Кирилла и схему Марины. Он не пытался убедить её в научной достоверности происходящего — он просто хотел, чтобы кто-то услышал его и не сказал: «Тебе показалось».

Миссис Волкова слушала, не перебивая, лишь изредка кивала, будто сверяла его слова с какой-то своей, внутренней картой памяти. Когда он закончил, она помолчала немного, собираясь с мыслями, а потом тихо сказала:

— Тень на циферблате... Знаешь, я ведь не просто так упоминала легенды. В нашем районе эту фразу знали все старики. И у неё есть продолжение — целая история, которую мне рассказывала бабушка, а ей — её бабушка. Я долго ду-

мала, что это просто сказка, чтобы дети не бегали под башней по вечерам. Но теперь... теперь мне кажется, что в ней больше правды, чем мы готовы признать.

Она сделала глоток чая, будто набираясь сил, и начала рассказывать:

— Говорят, давным-давно, когда башня только появилась, в ней жил мастер, который умел чувствовать время. Не как мы — по часам и минутам, а глубже, как будто слышал, как оно течёт по улицам, как бьётся в механизмах, как шепчет в ветре. Он следил за тем, чтобы время шло ровно, чтобы не рвалось на куски, чтобы не убегало вперёд и не отставало. Для этого он создал особый механизм, который связывал башню с точками по всему району. Это были не просто часы — это были якоря, которые удерживали время на месте.

Арсений наклонился вперёд, стараясь не пропустить ни слова.

— А тень? — тихо спросил он. — Что насчёт тени на циферблате?

Миссис Волкова кивнула, будто ждала этого вопроса.

— Да, тень. В легенде говорится, что тень на циферблате — это след того, кто украл время.

Он замер, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Украл время? — переспросил он, будто пытаясь примерить эти слова на реальность.

— Именно так, — подтвердила миссис Волкова. — Не в смысле «забрал минуты», а в смысле «нарушил порядок».

Говорят, что однажды в район пришёл человек, который хотел подчинить время себе. Ему казалось, что если он поймёт, как работает механизм башни, то сможет управлять минутами, делать их длиннее или короче, останавливать, когда ему нужно, и ускорять, когда хочется.

Глава 7.

Подвал пах сыростью, старым деревом и пылью, которая оседала на ресницах и заставляла тихо кашлять, будто само пространство не хотело, чтобы сюда спускались. Арсений стоял на верхней ступеньке, держа в руке тусклый фонарик, и прислушивался к тишине — не к обычной городской тишине, в которой всегда есть фоновый гул, а к той особенной, плотной тишине, какая бывает в местах, куда давно не ступала нога человека. Здесь время будто собиралось в тяжёлые складки и оседало между балками, на полках, в углах, превращаясь в слой пыли, который никто не сметал годами.

Он пришёл сюда не по плану. После разговора с миссис Волковой слова о «том, кто украл время» не выходили у него из головы, звенели где-то на границе сознания, как едва слышный, но настойчивый сигнал. Ему вдруг показалось, что разгадка может быть не только в архиве, не только в отчётах и схемах, но и в самом доме — в его старых стенах, в забытых вещах, в тех местах, где прошлое не спешило уходить.

Подвал принадлежал всему дому, но пользовались им редко: кто-то хранил здесь коробки с ненужными вещами, кто-то — старые лыжи и санки, а кто-то просто забывал о его существовании. Арсений знал, что в дальнем углу, за старыми ящиками и рулонами линолеума, стоит старый шкаф,

оставшийся ещё с советских времён. Миссис Волкова как-то обмолвилась, что раньше в нём держали инструменты и какие-то бумаги, но потом всё вынесли, а шкаф остался стоять, будто ждал, когда кто-нибудь снова откроет его дверцы.

Фонарик выхватывал из темноты узкие полосы пространства: облупившуюся краску на стенах, паутину, свисающую с балок, ряды полок с пыльными коробками. Арсений шёл медленно, стараясь не задевать ничего, чтобы не поднять лишнюю пыль и не спугнуть ту хрупкую тишину, которая казалась ему сейчас почти живой.

Шкаф стоял там же, где и раньше, — тёмный, массивный, с облупившейся эмалью на дверцах. Арсений потянул за ручку, и дверца открылась с протяжным скрипом, будто нехотя отдавая свои секреты. Внутри было пусто, если не считать нескольких старых газет, рассыпавшихся в труху от одного прикосновения, и жестяной коробки, покрытой тонким слоем ржавчины. Коробка была небольшой, прямоугольной, с выцветшим рисунком на крышке — кажется, когда-то в ней хранили чай или печенье.

Арсений достал её, стёр пыль рукавом и осторожно открыл. Внутри, на куске пожелтевшей ткани, лежали старые карманные часы. Они были не новыми даже тогда, когда их положили сюда: корпус потемнел от времени, стекло слегка помутнело, а на крышке виднелся едва различимый узор — то ли цветочный орнамент, то ли абстрактный завиток, который уже невозможно было разобрать.

Он взял часы в руки, чувствуя их вес — не тяжёлый, но основательный, как будто в них было больше смысла, чем в обычных вещах. Арсений открыл крышку и замер.

Стрелки шли назад.

Не дрожали, не застывали, не дёргались — а именно двигались в обратную сторону, плавно и уверенно, будто для них это было естественным ходом. Секундная стрелка бежала против часовой, минутная и часовая медленно тянулись назад, словно пытались вернуть время, которое уже ушло. И самое странное — они шли ровно, без рывков, без тиканья, будто механизм был настроен именно на такой ход.

Арсений поднёс часы к уху, ожидая услышать привычное тиканье, но услышал лишь едва уловимый шёпот — не звук металла, а что-то похожее на тихий голос, шепчущий на незнакомом языке. Он встряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение, но шёпот не исчез. Он стал чуть громче, будто часы пытались что-то ему сказать.

В этот момент его накрыло первое видение.

Оно пришло не как сон и не как воспоминание, а как вспышка, которая на мгновение подменила реальность. Арсений вдруг увидел тот же подвал, но не пустым и заброшенным, а полным людей. Вдоль стен стояли ящики, на полках лежали инструменты, а в центре комнаты горел керосиновый фонарь, отбрасывая дрожащие тени на стены. Несколько человек в тёмной одежде что-то обсуждали, указывая на какие-то чертежи. Один из них держал в руках точно такие же

часы, как те, что сейчас были у Арсения, и что-то объяснял остальным, время от времени поглядывая на циферблат.

— Мы должны успеть до полуночи, — говорил он, и голос его звучал глухо, будто доносился сквозь толщу воды. — Если механизм башни остановится, время начнёт рассыпаться, и мы не сможем его собрать.

Другой мужчина, с седыми висками и усталыми глазами, покачал головой.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил он. — Мы уже пробовали выравнивать время, но оно всё равно ускользает.

— У нас нет выбора, — ответил первый. — Мы должны попытаться. Если мы не удержим равновесие, последствия будут необратимыми.

Арсений хотел подойти к ним, задать вопрос, но в этот момент видение рассыпалось, как картинка, которую смахнули рукой. Он снова стоял в пустом подвале, сжимая в руке старые часы, и чувствовал, как по спине пробегает холодок.

Он закрыл крышку часов, надеясь, что это остановит видения, но вместо этого почувствовал, как в голове начинает нарастать гул — не громкий, но настойчивый, похожий на отдалённый рокот поезда, который ещё не виден, но уже чувствуется в воздухе. Когда он снова открыл крышку, перед глазами вспыхнула новая картина.

На этот раз он увидел башню. Но не ту, к которой привык, а другую — более старую, с потемневшими от времени кир-

пичами и железными скобами, укрепляющими стены. На циферблате лежала тень — та самая, неправильная тень, которая жила своей жизнью. Она медленно ползла по кругу, поглощая цифры одну за другой, и казалось, что с каждой поглощённой цифрой время становилось тоньше, прозрачнее, будто его можно было порвать, как старую ткань.

Рядом с башней стоял человек в длинном пальто. Он смотрел на циферблат, и в его глазах читалась смесь ужаса и решимости. Арсений не мог разглядеть его лица, но чувствовал, что знает этого человека, что их пути уже пересекались, пусть и не в этой реальности. Человек поднял руку, будто хотел коснуться тени, но в последний момент отдернул её, словно обжёгся.

— Я не могу её остановить, — прошептал он, и его голос прозвучал прямо в голове Арсения, будто они были связаны невидимой нитью. — Она слишком сильна. Она питается тем, что мы теряем.

Видение снова рассыпалось, оставив после себя лишь гул в ушах и странное ощущение, будто он только что подслушал чей-то чужой, но очень важный разговор.

Арсений сел на пол, прислонившись спиной к стене, и попытался собраться с мыслями. Часы он положил рядом, стараясь не смотреть на них, но даже с закрытыми глазами он продолжал видеть мелькающие картины: лица, тени, цифры, которые таяли, как дым. Он понимал, что столкнулся с чем-то, что не укладывалось ни в одну привычную систему объ-

яснений. Это не было поломкой механизма, не было электромагнитным импульсом, не было игрой воображения. Это было вторжением прошлого в настоящее, попыткой забытого времени напомнить о себе.

Когда гул в голове немного стих, Арсений достал блокнот и начал записывать всё, что видел. Он старался не упустить ни одной детали: лица людей, их слова, тень на циферблате, выражение ужаса в глазах человека у башни. Он знал, что эти видения могут быть ключом к пониманию того, что происходит с временем в районе, но также понимал, что они могут быть опасны. Если он позволит себе слишком глубоко погрузиться в них, он рискует потерять связь с реальностью.

Закончив записи, он снова посмотрел на часы. Стрелки по-прежнему шли назад, но теперь он заметил ещё одну странность: на циферблате были не обычные арабские цифры, а какие-то символы, похожие на руны или древние знаки. Они не были выгравированы поверх цифр — они как будто просвечивали сквозь них, становясь заметнее, когда он смотрел на них под определённым углом.

Арсений провёл пальцем по стеклу, пытаясь понять, что это за знаки, но они не ощущались под пальцами — они были не частью поверхности, а частью самого времени, заключённого в этих часах.

Он снова поднёс часы к уху и услышал тот же шёпот, но на этот раз смог разобрать отдельные слова: «...равновесие... удержать... успеть...». Слова были обрывочными, но в них

чувствовалась отчаянная попытка кого-то передать важное сообщение сквозь время.

Решив, что ему нужно показать часы кому-то, кто сможет взглянуть на них свежим взглядом, Арсений убрал их в карман, стараясь не касаться стекла, и поднялся по лестнице. В голове всё ещё гудело, но он старался не поддаваться панике. Он знал, что должен рассказать о находке Марине и Кириллу. Марина могла распознать символы и связать их с городскими легендами, а Кирилл — проверить часы с технической точки зрения и понять, как механизм может идти назад без видимых причин.

Выйдя на улицу, Арсений почувствовал, как прохладный воздух остужает разгорячённые мысли. Город выглядел обычным: люди спешили по своим делам, машины ехали по дороге, витрины магазинов манили яркими вывесками. Но теперь он знал, что под этой привычной оболочкой прячется другая реальность — та, где время может идти назад, где те, ни живут своей жизнью, где забытые вещи хранят память о событиях, которые когда-то пытались удержать равновесие.

Первым делом он позвонил Марине.

— Марина, я нашёл кое-что странное, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя голос слегка дрожал. — Старые карманные часы, которые идут назад. И... они вызывают видения. Я вижу прошлое, сцены, связанные с башней и механизмом.

Марина помолчала, будто пыталась осознать услышанное.

— Видения? — переспросила она. — Ты имеешь в виду галлюцинации?

— Нет, — возразил Арсений. — Это не похоже на галлюцинации. Это как будто я подглядываю в прошлое через эти часы. Я вижу людей, которые пытались удержать время, вижу тень на башне, слышу их разговоры.

— Это звучит... невероятно, — призналась Марина. — Но если это правда, эти часы могут быть важной частью системы. Возможно, они использовались как инструмент для корректировки времени или как индикатор аномалий. Принеси их сюда. Я попробую найти упоминания о подобных предметах в городских легендах и архивах.

Затем он позвонил Кириллу.

— Кирилл, мне нужно, чтобы ты посмотрел на одни часы, — сказал Арсений. — Они идут назад, и я не понимаю, как это возможно с технической точки зрения. Может, в механизме есть какая-то особенность, которая позволяет ему двигаться в обратную сторону?

Кирилл на мгновение задумался.

— Часы, которые идут назад? — повторил он. — Это технически возможно, но крайне редко встречается. Обычно для этого нужен специальный механизм, который меняет направление хода. Но если часы старые, возможно, в них есть какая-то уникальная деталь. Приноси, я посмотрю. И... будь осторожен. Если они вызывают видения, возможно, это связано не только с механизмом, но и с каким-то внешним воз-

действием.

Они договорились встретиться через час в кафе, где раньше произошёл локальный сбой. Арсений понимал, что это место может быть опасным, но именно там они уже фиксировали аномалию, и именно там у них были установлены датчики. Возможно, приборы смогут уловить что-то, что поможет объяснить природу видений.

Пока он шёл к кафе, Арсений старался не думать о часах, лежащих в кармане. Но даже не глядя на них, он чувствовал их присутствие — холодное, тяжёлое, будто они тянули его назад, в прошлое, которое не хотело оставаться забытым.

В кафе было немногочисленно. Кирилл уже сидел за столиком и настраивал датчики, а Марина раскладывала на столе свои записи и фотографии. Когда Арсений подошёл, они оба подняли головы и посмотрели на него с тревогой и любопытством.

— Ну, показывай, — сказал Кирилл, кивая на карман.

Арсений достал часы и положил их на стол. Все трое замерли, глядя на них. Стрелки продолжали идти назад, плавно и уверенно.

Кирилл осторожно взял часы, открыл крышку и начал осматривать механизм, не вынимая его из корпуса.

— Странно, — пробормотал он, хмурясь. — Я не вижу никаких очевидных модификаций. Механизм выглядит стандартным для своего времени. Но при этом он идёт назад. Это невозможно без специальной настройки.

Марина наклонилась вперёд, рассматривая циферблат.

— А эти символы, — сказала она, указывая на руноподобные знаки. — Я видела похожие в старых записях о городских ритуалах. Их использовали как обереги, чтобы защитить время от искажения. Возможно, эти часы были не просто инструментом, а чем-то вроде защитного амулета.

Арсений посмотрел на часы и вдруг почувствовал, как в голове снова начинает нарастать гул. Он хотел предупредить друзей, но не успел.

Перед глазами вспыхнуло новое видение.

На этот раз он увидел человека в длинном пальто — того самого, которого видел у башни. Теперь он мог разглядеть его лицо: усталое, изборождённое морщинами, с тёмными кругами под глазами. Человек стоял в комнате, похожей на мастерскую, и что-то писал в толстой тетради. На столе перед ним лежали чертежи, схемы и такие же карманные часы, как у Арсения.

— Если система начнёт рушиться, часы покажут обратный ход, — бормотал человек, записывая что-то дрожащей рукой. — Это будет сигналом, что равновесие нарушено. Мы должны успеть... мы должны удержать...

Он поднял голову и посмотрел прямо на Арсения, будто видел его сквозь время.

— Ты слышишь меня? — спросил он тихо, но голос его прозвучал так отчётливо, будто он стоял рядом. — Не дай тени поглотить время. Не дай ей стереть нас.

Видение рассыпалось, и Арсений снова оказался в кафе. Перед ним сидели Марина и Кирилл, их лица были напряжены, а глаза полны тревоги.

— Арсений, — тихо сказала Марина. — Ты побледнел. Что ты видел?

Он с трудом сглотнул, пытаясь вернуть голос.

— Я видел того, кто пытался удержать время, — сказал он, глядя на друзей. — Он знал, что система рушится. И эти часы — это сигнал. Они показывают, что равновесие нарушено, и пытаются предупредить нас.

Кирилл положил часы на стол и посмотрел на Арсения серьёзно, без привычной иронии.

— Тогда мы должны действовать быстро, — сказал он. — Если эти часы действительно связаны с механизмом башни, они могут помочь нам понять, как остановить разрушение.

Марина достала диктофон и начала записывать всё, что рассказал Арсений, включая детали видений и слова человека из прошлого.

— Мы соберём все данные вместе, — сказала она. — Легенды, документы, показания датчиков, твои видения. Возможно, тогда мы сможем увидеть полную картину.

Они начали обсуждать план действий: как проверить связь часов с башней, как использовать датчики для фиксации аномалий, как найти упоминания о человеке из видений в архивах. Арсений слушал их, но мысли его всё ещё были там, в прошлом, с человеком, который пытался удержать

время и знал, что у него почти не осталось шансов.

Перед уходом Арсений снова посмотрел на часы. Стрелки по-прежнему шли назад, напоминая о том, что время в этом районе течёт не так, как везде. Он понимал, что теперь он не просто исследователь, а часть этой истории, связующее звено между прошлым и настоящим, между теми, кто пытался удержать равновесие, и теми, кто должен был его восстановить.

Возвращаясь домой, он снова проходил мимо башни. Стрелки показывали 16:38, а на его телефоне было 16:41. Три минуты разницы. Тень на циферблате лежала спокойно, но теперь он знал: она была не просто тенью. Она была следом, меткой, предупреждением.

Дома он достал блокнот и записал всё, что произошло: походку часов, видения, разговор с друзьями, свои ощущения. Он фиксировал каждую деталь, чтобы позже проанализировать её, найти закономерность, понять, как это работает.

Вечером он снова сел за реставрацию часов «Павел Буре». Механизмы всегда помогали ему справиться с мыслями, вернуть ощущение порядка. Он аккуратно подкручивал винты, проверял ход, слушал, как тихо щёлкают шестерёнки. В этом звуке было что-то успокаивающее — ритм, который не зависел от аномалий и теней.

Закончив с очередной деталью, он поднял глаза и посмотрел на свои наручные часы. Было 21:15. Он машинально перевёл взгляд на старые механические часы, которые поста-

вил рядом. Они показывали 21:12.

Три минуты.

Он замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Это происходило снова. Время снова начинало расходиться, будто реальность трескалась по швам. Но на этот раз он не стал паниковать. Вместо этого он достал блокнот и записал точное время, показания обоих часов и свои ощущения. Он фиксировал аномалию, чтобы потом сравнить её с данными, которые соберут Кирилл и Марина.

Перед сном он ещё раз просмотрел все записи, стараясь увидеть закономерность. Он заметил, что сбои происходили в определённые моменты — вечером, когда город затихал, и утром, когда он просыпался. Возможно, это было связано с нагрузкой на систему: днём, когда люди спешили, время шло ровнее, а ночью и утром оно становилось уязвимее.

Закрыв блокнот, он лёг в кровать, но долго не мог уснуть. В голове крутились образы из видений: человек у башни, люди в подвале, тень, поглощающая цифры. Ему казалось, что если он закроет глаза, то снова увидит эту картину, что она будет преследовать его в снах, напоминая о том, что мир не так прост, как кажется.

Ему снилось, что он стоит под башней, а стрелки часов крутятся в обратную сторону, и тень ползёт по циферблату, поглощая цифры одну за другой. Он пытался остановить её, но каждый раз, когда он протягивал руку, тень ускользала, оставляя после себя пустоту. А потом он видел часы, лежа-

щие на столе, и понимал, что ключ к разгадке спрятан в них, что они — единственная нить, связывающая прошлое и настоящее.

Проснулся он с ощущением, будто не столько отдохнул, сколько отработал ночную смену в пустом цехе, где единственным звуком было бесконечное тиканье. Но теперь он знал: он не один. У него есть союзники, у него есть план, и у него есть шанс разобраться в том, что происходит с временем в его районе.

Глава 8.

Ночь накрыла город плотным, неровным покрывалом: где-то горели фонари, отбрасывая жёлтые круги света, где-то царила густая темнота, будто пространство не хотело, чтобы в него заглядывали. Арсений шёл домой по привычному маршруту, но сегодня каждый поворот казался ему чуть более узким, каждый пролёт — чуть более тёмным, а тишина — чуть более настороженной. Он сжимал в кармане пальто старые карманные часы, и их прохладный металл будто напоминал: реальность здесь не держится крепко, она готова рассыпаться от одного неверного шага.

После встречи в кафе мысли крутились в голове, как шестерёнки, которые никак не могли найти своё место. Видения не оставляли его: то перед глазами мелькал человек в длинном пальто, то вспыхивали лица людей из подвала, то слышался шёпот, который он не мог разобрать до конца. Кирилл обещал разобрать механизм часов, но не трогать его до тех пор, пока Марина не найдёт упоминания о подобных предметах в архивах. А пока Арсений должен был просто наблюдать, фиксировать, записывать. Но ощущение, что за ним следят, становилось всё сильнее.

Он остановился у арки, ведущей во двор, и на мгновение замер, прислушиваясь. Ветер шевелил сухие листья, где-то вдалеке лаяла собака, а из приоткрытого окна доносил-

ся приглушённый голос телевизора. Всё было привычно, но в этой привычности чувствовалось что-то неправильное — будто кто-то нарочно выстроил декорации так, чтобы они выглядели как обычный вечер, но при этом в них не хватало одной важной детали.

Арсений вошёл во двор и сразу заметил, что свет над подъездом мигает. Не ритмично, не как при перепаде напряжения, а хаотично: вспыхнет, погаснет, снова вспыхнет, будто кто-то дёргал невидимый рубильник. Он ускорил шаг, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Дверь подъезда была приоткрыта — совсем немного, на ладонь, будто кто-то только что вошёл или, наоборот, выглянул и не успел закрыть её до конца. Арсений нахмурился: домофон работал исправно, жильцы не оставляли дверь открытой. Он осторожно толкнул её, и дверь открылась с протяжным скрипом, который прозвучал в тишине слишком громко.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — едва уловимым, но неприятным, как запах сырости, смешанной с металлом. Лестница уходила вверх, теряясь в полумраке, а на площадке между первым и вторым этажом лежал тонкий слой песка, которого раньше там не было. Арсений медленно поднялся на свой этаж и остановился перед дверью квартиры. Замок щёлкнул ровно, без скрипа, и он вошёл, стараясь не шуметь.

В квартире было тихо. Он включил свет в прихожей, снял

пальто, положил его на вешалку и достал из кармана часы. На мгновение ему показалось, что стрелки движутся чуть быстрее назад, будто механизм торопился показать что-то важное. Арсений положил часы на стол, сел напротив и смотрел на них, пока глаза не начали слезиться от напряжения.

Он достал блокнот и начал записывать всё, что чувствовал: ощущение слезки, мигающий свет, приоткрытую дверь, песок на лестнице. Он старался не делать выводов, только фиксировать факты. Но чем больше он писал, тем сильнее становилось чувство, что кто-то наблюдает за ним не просто на улице, а прямо сейчас, из темноты подъезда, из-за угла, из тени, которая не должна была там быть.

Решив, что ему нужно немного отвлечься, Арсений подошёл к окну и посмотрел вниз. Двор был почти пуст, только у мусорных баков копошилась кошка, а у арки стоял человек. Он стоял неподвижно, в тени, и его лицо было скрыто капюшоном. Человек не делал резких движений, не пытался спрятаться, но и не стремился быть замеченным. Он просто стоял и смотрел на окна дома.

Арсений отступил от окна, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Он знал, что это не случайный прохожий. Это был кто-то, кто ждал. Кто-то, кто знал, куда смотреть.

Он сел на диван, пытаясь унять дрожь в руках. Ему хотелось позвонить Марине или Кириллу, но он боялся, что звонок прозвучит слишком громко, будто он подаёт сигнал. Вместо этого он снова открыл блокнот и записал: «Незнако-

мец у арки. Стоит неподвижно. Смотрит на окна. Ощущение, что знает, где я».

Прошло около часа. Свет в комнате стал тусклее, будто электричество слабело, а тени в углах стали гуще. Арсений встал, чтобы включить настольную лампу, и в этот момент услышал шаги в подъезде. Они были не тихими, не осторожными, а уверенными, тяжёлыми, будто человек не боялся, что его услышат.

Шаги остановились у его двери.

Арсений замер, прислушиваясь. Он слышал, как кто-то дышит за дверью, как шуршит ткань, как звякает металл. Потом раздался тихий стук — не громкий, не требовательный, а будто проверяющий, есть ли кто-то внутри.

— Я знаю, что ты там, — прозвучал из-за двери низкий голос, в котором не было угрозы, но была уверенность, от которой становилось ещё страшнее. — Не притворяйся, что тебя нет.

Арсений сжал кулаки, пытаясь собраться с мыслями.

— Кто вы? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Тот, кто знает про тень, — ответил незнакомец. — И про часы, которые идут назад. Открой дверь. Нам нужно поговорить.

Арсений почувствовал, как внутри всё сжимается. Этот человек знал про часы. Знал про тень. Он не мог знать этого случайно.

— О чём? — спросил Арсений, не двигаясь с места.

Незнакомец помолчал, будто решая, стоит ли говорить дальше.

— О том, что время в этом районе умирает, — сказал он тихо, но отчётливо. — И о том, что ты можешь либо помочь его спасти, либо окончательно сломать. Открой дверь, и я расскажу тебе то, что ты не найдёшь ни в одном архиве.

Арсений стоял, не зная, что делать. С одной стороны, этот человек мог быть ключом к разгадке. С другой — он мог быть опасен. Но любопытство и отчаяние пересилили страх. Он медленно подошёл к двери и повернул замок.

Когда дверь открылась, перед ним стоял высокий мужчина в тёмном пальто и капюшоне. Лицо его было усталым, с глубокими морщинами, а глаза смотрели так, будто видели не только Арсения, но и то, что скрывалось за ним. В его взгляде читалась тяжесть долгих лет и знание, которое он не хотел нести в одиночку.

— Спасибо, что открыл, — тихо сказал незнакомец, не делая попытки войти без приглашения. — Я не хотел пугать тебя, но времени мало.

Арсений отошёл в сторону, позволяя мужчине войти. Тот снял капюшон, и Арсений увидел, что волосы у него седые, а на виске — тонкий шрам, будто от старой царапины.

— Меня зовут Виктор, — сказал мужчина, оглядывая комнату, будто оценивая, насколько она безопасна для разговора. — Я работал в техническом отделе, когда ещё суще-

ствовали корректирующие часы. Я видел, как система начала давать сбои, и пытался их исправить. Но меня отстранили, а документы засекретили.

Арсений кивнул, чувствуя, как в груди разгорается надежда.

— Вы знаете про механизм башни? — спросил он.

Виктор кивнул.

— Знаю. И про тень на циферблате тоже. В отчётах её называли «аномалией синхронизации», но мы-то понимали, что это нечто большее. Тень — это не просто тень. Это след того, кто украл время. Не в смысле «забрал минуты», а в смысле «нарушил порядок». Он нашёл способ вытягивать время из системы, чтобы использовать его для себя: делать дни длиннее, ночи короче, останавливать мгновения, когда ему это было нужно.

Арсений вспомнил легенду миссис Волковой и почувствовал, как по коже пробегают мурашки.

— Но кто он? — спросил Арсений.

Виктор вздохнул, будто ему было тяжело произносить эти слова.

— Я не знаю его настоящего имени, — признался он. — Мы называли его «Тот, кто стоит в тени». Он никогда не появлялся открыто, но его присутствие чувствовалось в каждом сбое. Мы пытались найти его, пытались понять, как он влияет на систему, но каждый раз, когда мы приближались к разгадке, происходили новые аномалии, и следы исчезали.

Арсений посмотрел на часы, лежавшие на столе. Стрелки по-прежнему шли назад.

— А эти часы? — спросил он. — Они связаны с ним?

Виктор подошёл к столу и осторожно взял часы в руки, не открывая крышку.

— Да, — кивнул он. — Это один из контрольных механизмов. Они были созданы, чтобы показывать, когда равновесие нарушается. Когда система в порядке, они идут нормально. Когда кто-то вмешивается в ход времени, они начинают идти назад. Это сигнал, что баланс нарушен и нужно действовать.

Арсений сел, чувствуя, как на плечи ложится тяжесть нового знания.

— И что теперь? — спросил он тихо.

Виктор посмотрел на него прямо, без жалости, но и без жестокости.

— Теперь ты должен решить, хочешь ли ты продолжать, — сказал он. — Если ты пойдёшь дальше, ты узнаешь вещи, которые нельзя забыть. Ты увидишь, как время трескается по швам, как тени становятся живыми, как прошлое вторгается в настоящее. И ты поймёшь, что не все аномалии можно объяснить наукой. Некоторые из них — это раны, которые город носит в себе годами.

Арсений помолчал, собираясь с мыслями. Он знал, что если согласится, то уже не сможет вернуться к прежней жизни, где время было просто цифрами на часах, а тени — про-

сто отсутствием света.

— Я хочу знать правду, — сказал он наконец. — Даже если она страшная.

Виктор кивнул, будто ожидал этого ответа.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай. Есть способ остановить разрушение. Нужно найти все контрольные точки, где раньше стояли корректирующие часы, и восстановить связь между ними и башней. Это как починить разорванную цепь: если соединить все звенья, система снова начнёт работать правильно. Но для этого нужно знать, где эти точки находятся, и иметь инструменты, чтобы их активировать.

Арсений достал из ящика схему точек синхронизации, которую ему дала Марина, и положил её на стол.

— У меня есть схема, — сказал он. — Но она неполная.

Виктор наклонился над схемой и начал рассматривать её, проводя пальцем по линиям.

— Здесь не хватает нескольких точек, — сказал он, указывая на пустые места. — Особенно важной точки возле старого рынка. Там когда-то стояли самые мощные корректирующие часы, и именно оттуда началось первое серьёзное искажение. Если мы сможем восстановить связь в этой точке, возможно, нам удастся замедлить разрушение.

Они начали обсуждать план: как добраться до точки у старого рынка, какие инструменты понадобятся, как избежать внимания тех, кто не хочет, чтобы система была восстановлена. Виктор рассказывал о скрытых проходах, о старых до-

кументах, о людях, которые могли помочь или помешать. Арсений записывал всё в блокнот, стараясь не упустить ни одной детали.

Когда они закончили, Виктор посмотрел на часы и вздохнул.

— Мне пора уходить, — сказал он. — За мной могут следить. Если они узнают, что я говорил с тобой, они попытаются остановить нас.

Арсений кивнул, понимая, что этот человек рискует, приходя к нему.

— Спасибо, что рассказали всё это, — сказал он искренне.

Виктор улыбнулся, но улыбка получилась грустной.

— Не благодари меня пока, — сказал он. — Мы ещё ничего не сделали. Но если у нас получится, это будет стоить всех рисков.

Он надел капюшон и открыл дверь. Перед тем как выйти, он обернулся и посмотрел на Арсения.

— Помни: тень не исчезает сама по себе, — сказал он тихо. — Её нужно остановить. И ты — единственный, кто может это сделать.

Дверь закрылась, и в квартире снова стало тихо. Арсений стоял посреди комнаты, чувствуя, как реальность сдвигается, открывая новые, тёмные стороны. Он подошёл к окну и выглянул вниз. Арка была пуста, незнакомец исчез, будто его и не было. Но песок на лестнице и мигающий свет над подь-

ездом напоминали, что это не было сном.

Он снова сел за стол и начал перечитывать свои записи. Теперь они складывались в другую картину — не просто набор аномалий, а следы чьей-то сознательной работы, чьего-то вмешательства в ход времени. И он понимал, что впереди его ждёт не просто расследование, а борьба за равновесие, в которой ставки были выше, чем он мог себе представить.

Перед сном он снова посмотрел на карманные часы. Стрелки шли назад, напоминая о том, что время в районе продолжает разрушаться. Он положил часы рядом с собой, будто они могли защитить его во сне.

Ему снилось, что он стоит на старом рынке, а вокруг него кружатся тени, шепчущие что-то на незнакомом языке. В центре площади стояли огромные корректирующие часы, стрелки которых застыли на нуле. Виктор стоял рядом и смотрел на него, кивая, будто подталкивая вперёд.

— Ты должен запустить их, — говорил он. — Только ты можешь это сделать.

Арсений протянул руку к циферблату, и в тот момент, когда его пальцы коснулись стекла, часы ожили, стрелки начали двигаться, но не вперёд, а назад, втягивая тени в себя, как воронка. Тени исчезали, растворялись, и мир вокруг становился светлее.

Проснулся он с ощущением, что сон был не просто сном, а предупреждением. Он знал, что следующая их цель — ста-

рый рынок. Знал, что там их ждёт что-то важное. И понимал, что Виктор был прав: тень не исчезнет сама по себе. Её нужно остановить.

Часть 2. Правила времени.

Глава 9.

Архив пах так, будто время здесь не просто замедлялось, а оседало слоями на полках, превращаясь в пыль, в пожелтевшие страницы, в выцветшие чернила, которые всё ещё пытались удержать смысл. Марина шла между стеллажами, осторожно касаясь корешков папок, будто боялась спугнуть хрупкие воспоминания, спрятанные внутри. Она знала: где-то здесь, среди отчётов о городском хозяйстве, протоколов собраний и старых газет, прячется ответ. Ответ на вопрос, который не давал ей покоя с тех пор, как Арсений рассказал про часы, идущие назад, и про человека, который знал про «тень».

Она договорилась с Еленой Петровной, хранительницей архива, что сможет работать в дальнем зале, где редко бывали посетители. Там было тише, темнее, и казалось, что никто не помешает ей погрузиться в прошлое. Елена Петровна принесла ей несколько коробок с документами за 1950–1970 годы — период, когда, по словам Виктора, начались первые серьёзные сбои в работе механизма башни.

— Здесь много бытового, — предупредила Елена Петровна, ставя коробки на стол. — Отчёты о ремонте дорог, спис-

ки жильцов, протоколы собраний. Но если ты знаешь, что искать, иногда самое важное прячется в самых скучных бумагах.

Марина улыбнулась, благодаря её за помощь.

— Я знаю, что искать, — сказала она. — Мне нужны любые упоминания о системе синхронизации времени, о корректирующих часах, о людях, которые за этим следили.

Елена Петровна кивнула, будто не удивилась её просьбе.

— В те годы это считалось обычной технической работой, — проговорила она, поправляя очки. — Никто не говорил про «правила времени». Но я помню, что были люди, которые относились к этому иначе. Они будто знали, что это не просто часы.

Когда хранительница ушла, Марина открыла первую папку. Внутри лежали пожелтевшие листы с аккуратным машинописным текстом, скреплённые ржавыми скрепками. Она начала просматривать их, выписывая любые упоминания о башне, часах и синхронизации. Сначала попадались только сухие отчёты: замена шестерёнок, чистка механизмов, регулировка маятника. Но чем глубже она погружалась в документы, тем чаще встречала странные формулировки, которые не вписывались в обычный технический язык.

В одном из протоколов собрания технического отдела она наткнулась на фразу: «Необходимо усилить контроль за точками синхронизации. Ответственность за соблюдение правил времени возлагается на ответственных лиц». Фраза зву-

чала почти как устав, будто речь шла не о ремонте, а о поддержании какого-то порядка, который был важнее обычных работ.

Она сделала пометку в блокноте и продолжила листать документы. В следующей папке лежали личные дела сотрудников, работавших с механизмом башни. Среди них она нашла упоминание о группе специалистов, которые числились в штате, но их обязанности были описаны расплывчато: «обеспечение стабильности временных показателей», «контроль за соблюдением нормативов синхронизации». Это не было похоже на обычную работу инженеров.

Но самое интересное нашлось в третьей коробке — в небольшой папке с пометкой «Разное». Внутри лежали вырезки из старых газет, письма и несколько машинописных листов, которые выглядели как черновики какого-то внутреннего документа. На одном из листов она увидела заголовок: «Положение о поддержании хода времени в городской черте».

Сердце Марины забилося быстрее. Она осторожно развернула лист, стараясь не повредить хрупкую бумагу. Текст был написан строгим, официальным языком, но в нём чувствовалась серьёзность, выходящая за рамки обычной инструкции. В документе говорилось о необходимости поддерживать «равновесие временных потоков» и о том, что любые отклонения должны немедленно фиксироваться и устраняться. Также упоминались «ответственные лица», которые должны

были следить за соблюдением «правил времени» и координировать работу корректирующих часов.

На полях листа кто-то сделал рукописную пометку: «Общество Хранителей Времени. Не для общего доступа».

Марина замерла, вглядываясь в эти слова. «Общество Хранителей Времени». Это звучало как название тайного общества, о котором никто не говорил вслух. Она перечитала пометку несколько раз, будто пытаясь убедиться, что не придумала её.

Она достала телефон и сфотографировала документ, чтобы позже рассмотреть его внимательнее. Затем продолжила искать любые упоминания об этом обществе. В одной из газетных вырезок она нашла короткую заметку о торжественном открытии новых корректирующих часов на старом рынке. В заметке говорилось, что в церемонии участвовали «представители городской администрации и ответственные лица, обеспечивающие стабильность временных показателей». Фраза была расплывчатой, но теперь Марина понимала, что речь могла идти именно о Хранителях Времени.

В другом документе она нашла список фамилий — видимо, тех самых «ответственных лиц». Среди них было имя, которое она уже слышала: Виктор. Фамилия совпадала, а годы работы соответствовали тому периоду, о котором он рассказывал. Это подтверждало его слова и давало понять, что он действительно был частью этой системы.

Продолжая поиски, Марина наткнулась на письмо, ад-

ресованное одному из руководителей технического отдела. Письмо было написано от руки, неровным, но разборчивым почерком. В нём говорилось о тревожной ситуации: «Система начинает терять равновесие. Тень на циферблате становится заметнее, а корректирующие часы всё чаще показывают отклонения. Необходимо созвать экстренное собрание Общества, чтобы обсудить дальнейшие действия».

Письмо было подписано инициалами: «А. К.». Марина записала их в блокнот, надеясь позже выяснить, кто это был.

К вечеру глаза начали уставать от мелкого текста, а голова гудела от обилия информации. Но теперь у неё была целая мозаика фактов, которая начинала складываться в единую картину. Общество Хранителей Времени было не выдумкой и не легендой — оно существовало, работало официально, но при этом вело свою, скрытую деятельность по поддержанию равновесия времени в городе.

Она собрала документы, аккуратно уложила их обратно в папки и коробки, стараясь ничего не перепутать. Елена Петровна подошла к ней, когда она уже собиралась уходить.

— Нашла что-нибудь? — спросила она, глядя на Марину с лёгкой улыбкой.

Марина кивнула, не зная, как лучше сформулировать то, что она узнала.

— Да, — ответила она. — Я нашла упоминания об обществе, которое отвечало за поддержание хода времени. Они называли себя Хранителями Времени.

Елена Петровна на мгновение замерла, будто эти слова что-то всколыхнули в её памяти.

— Хранители Времени, — повторила она тихо, словно пробуя фразу на вкус. — Я слышала это название. Давно, ещё в детстве. Бабушка говорила, что в нашем районе были люди, которые знали, как устроено время, и следили, чтобы оно шло правильно. Я думала, это просто сказки.

Марина посмотрела на неё внимательно.

— А вы не помните никаких подробностей? — спросила она. — Может быть, какие-то истории, имена, места?

Елена Петровна задумалась, собираясь с мыслями.

— Помню только одну историю, — сказала она наконец. — Бабушка рассказывала, что Хранители собирались в старом подвале под зданием почты. Там был тайный ход, который вёл к подземным коммуникациям, и оттуда они могли контролировать все точки синхронизации. Говорили, что у них был особый механизм, который позволял видеть, где время начинает «трескаться». Но потом всё это закрыли, ход замуровали, а про Хранителей перестали говорить.

Марина достала блокнот и быстро записала эту информацию.

— Спасибо, — сказала она искренне. — Это очень важно. Елена Петровна посмотрела на неё с лёгкой тревогой.

— Будь осторожна с этими историями, — проговорила она тихо. — Иногда прошлое не хочет, чтобы его трогали.

Марина кивнула, понимая, что в этих словах есть доля

правды.

Выйдя из архива, она вдохнула прохладный вечерний воздух, пытаясь собраться с мыслями. Теперь у неё было не только подтверждение слов Виктора, но и новая зацепка: старый подвал под зданием почты и тайный ход к подземным коммуникациям. Она знала, что Арсений захочет узнать об этом сразу же.

Она позвонила ему.

— Арсений, я нашла что-то важное, — сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя голос слегка дрожал от волнения. — Я нашла упоминания о тайном обществе, которое называло себя Хранителями Времени. Они официально отвечали за систему синхронизации, но при этом вели скрытую работу по поддержанию равновесия времени. И ещё... я узнала, что у них было тайное место для собраний — старый подвал под зданием почты, откуда шёл ход к подземным коммуникациям.

Арсений помолчал, будто пытался осознать услышанное.

— Подвал под почтой, — повторил он. — Это может быть ключом к пониманию всей системы. Если мы сможем туда попасть, возможно, мы найдём какие-то механизмы, документы, что-то, что поможет нам остановить разрушение.

— Но как мы туда попадём? — спросила Марина. — Если ход замуровали, нам придётся искать другой путь.

— У меня есть идея, — сказал Арсений. — Виктор говорил, что знает скрытые проходы и старые документы. Воз-

можно, он подскажет, как туда добраться.

Они договорились встретиться завтра утром и вместе поговорить с Виктором. Марина чувствовала, как внутри разгорается смесь тревоги и азарта: они приближались к разгадке, но каждый шаг вёл их всё глубже в прошлое, где правила были другими, а цена ошибки — намного выше.

Вернувшись домой, Марина разложила на столе все свои записи, фотографии документов и выписки. Она смотрела на них, пытаясь увидеть общую картину. Теперь она понимала, что система синхронизации времени была не просто техническим проектом — это была целая сеть, в которой каждый узел имел своё значение, а Хранители Времени были теми, кто удерживал эту сеть от разрушения.

Перед сном она ещё раз перечитала письмо с инициалами «А. К.». Ей казалось, что этот человек знал больше, чем написал, и что его слова были предупреждением, которое до сих пор оставалось актуальным.

Ей снилось, что она идёт по тёмному подземному ходу, а впереди мерцает тусклый свет. Она слышит голоса, которые шепчут что-то на незнакомом языке, и чувствует, как воздух становится плотнее, будто само время сопротивляется её продвижению. В конце хода она видит круглую комнату с металлическими панелями на стенах. В центре комнаты стоит механизм, похожий на гигантские часы, но без стрелок. Вместо них — тонкие светящиеся линии, которые двигаются, пересекаются и расходятся, создавая сложный узор.

Рядом с механизмом стоит человек в длинном пальто, лицо которого скрыто тенью. Он поворачивается к ней и говорит:

— Ты пришла вовремя. Но помни: время не прощает ошибок. Каждый шаг меняет равновесие.

Она хочет спросить, что нужно сделать, но в этот момент свет гаснет, и она остаётся в темноте, слыша только отдалённое тиканье, которое становится всё тише и тише, пока не исчезает совсем.

Проснувшись она с ощущением, что сон был не просто сном, а отражением того, что их ждёт впереди. Она знала, что завтра они начнут новый этап поисков, и что каждый найденный документ, каждая услышанная история приближают их к разгадке. Но она также понимала, что чем ближе они будут подходить к истине, тем опаснее станет их путь.

Глава 10.

Здание бывшего технического управления выглядело так, будто его специально построили, чтобы не привлекать внимания: серый фасад, узкие окна, тяжёлые металлические двери, которые даже в солнечный день казались погружёнными в тень. Когда-то здесь кипела работа — инженеры и техники следили за тем, чтобы время в районе шло ровно, без рывков и провалов. Теперь коридоры были пусты, а воздух пах пылью и старой краской, будто само здание старалось забыть, какую роль оно когда-то играло.

Арсений и Марина стояли у боковой двери, которую Виктор описал как «запасной вход, о котором почти все забыли». Он сам не мог пойти с ними: сказал, что за ним могут следить, и не хотел подвергать их риску. Но он дал им точные инструкции, как пройти мимо камер, где лучше не задерживаться и какие коридоры ведут к закрытому архиву.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — тихо спросил Арсений, оглядываясь по сторонам. Вокруг не было ни души, но тишина казалась настороженной, будто стены прислушивались к каждому их слову.

Марина кивнула, хотя в её глазах читалась тревога.

— У нас нет выбора, — ответила она. — Если мы хотим найти полный список точек синхронизации, он может быть только там. В открытом архиве таких документов не было —

они помечены как «не для общего доступа».

Она достала из сумки небольшой инструмент, который Виктор передал ей вместе с инструкциями, и начала аккуратно работать с замком. Через несколько минут дверь тихо щёлкнула и приоткрылась, впуская их в тёмный коридор.

Внутри пахло сыростью и старой бумагой. Светильники на потолке мигали, будто не хотели освещать путь непрошеным гостям. Они шли медленно, стараясь не шуметь, сверяясь с нарисованной Виктором схемой. Коридоры петляли, уводили вниз, в полуподвальные помещения, где, по словам Виктора, и хранились самые важные документы.

Наконец они остановились перед массивной металлической дверью с табличкой «Архив. Доступ по разрешению». Замок был сложнее, чем на входной двери, и Марина потратила больше времени, чтобы его открыть. Когда дверь поддалась, они вошли в небольшое помещение, уставленное металлическими шкафами и стеллажами. Вдоль стен стояли коробки с пометками, а в центре комнаты — стол с лампой, которая всё ещё работала.

— Здесь всё сохранилось, — прошептала Марина, оглядываясь. — Будто кто-то специально оставил это нетронутым, чтобы однажды кто-то смог сюда добраться.

Они начали осматривать шкафы, читая пометки на папках: «Отчёты по обслуживанию», «Схемы коммуникаций», «Личные дела сотрудников». Арсений заметил одну папку с пометкой «Точки синхронизации. Секретно» и осторож-

но достал её. Внутри лежали пожелтевшие листы с аккуратными машинописными строками и приложенными схемами. На первой странице был заголовок: «Перечень контрольных точек синхронизации временных потоков. Для служебного пользования».

Марина достала телефон и начала фотографировать страницы, стараясь не упустить ни одной детали. Список был длинным: в нём перечислялись места, которые Арсений хорошо знал — башня, старый рынок, школа, кафе «Уголок». Но были и такие, о которых он никогда не слышал: заброшенная котельная на окраине района, подземный переход у старой железнодорожной ветки, заброшенный павильон на пустыре, который давно снесли.

Рядом с каждым местом были указаны параметры: «частота сброса», «уровень стабильности», «ответственный сотрудник». В некоторых строках стояли пометки: «требуется корректировка», «наблюдаются отклонения», «потеря связи». Особенно часто такие пометки встречались рядом с точками на окраине района — там, где система начинала давать сбои.

Но самое важное было в конце документа: краткое пояснение, что такое «сброс времени». В нём говорилось, что в каждой контрольной точке время периодически «сбрасывается» до эталонного значения, чтобы компенсировать накопившиеся отклонения. Этот процесс был похож на перезагрузку: время как будто возвращалось к исходной точке, что-

бы снова начать отсчёт. Если сброс не происходил, отклонения накапливались, и время начинало «трескаться», создавая аномалии.

Арсений почувствовал, как внутри всё сжимается. Теперь он понимал, почему в кафе всё замерло на три минуты: это был сбой в процессе сброса. Время попыталось вернуться к эталону, но что-то помешало ему завершить цикл, и реальность застыла на мгновение.

Он достал блокнот и начал записывать всё, что видел, стараясь не упустить ни одной детали. Марина продолжала фотографировать документы, время от времени делая пометки.

В другой папке они нашли схему подземных коммуникаций, которая связывала все контрольные точки. На схеме были обозначены тоннели, технические люки и скрытые проходы, которые позволяли Хранителям Времени быстро перемещаться между точками и контролировать систему. В центре схемы находилась круглая комната под зданием почты — то самое место, о котором рассказывала Елена Петровна. От неё расходились линии ко всем основным точкам, образуя сложную сеть, похожую на кровеносную систему города.

— Это объясняет, как они могли контролировать всё сразу, — проговорила Марина, вглядываясь в схему. — Если они находились в центре, они могли видеть, где начинаются сбои, и быстро реагировать.

Арсений кивнул, чувствуя, как в голове начинает складываться новая картина. Теперь он видел не просто набор ано-

маний, а целую систему, которая когда-то работала как единый механизм. И теперь эта система ломалась, потому что кто-то или что-то мешало ей выполнять свою функцию.

В третьей папке они нашли личные записи одного из Хранителей — человека с инициалами «А. К.», о котором Марина читала в архиве. Записи были сделаны от руки, неровным, но разборчивым почерком. В них говорилось о нарастающих проблемах: сбои становились всё чаще, точки теряли связь друг с другом, а тень на циферблате башни становилась заметнее. Автор записей описывал свои попытки восстановить равновесие, но признавал, что система выходит из-под контроля.

Одна из записей особенно зацепила Арсения: «Если связь между точками будет окончательно потеряна, время начнёт распадаться на отдельные фрагменты. Каждый фрагмент будет жить по своим правилам, и люди перестанут понимать, что происходит. Мы должны успеть восстановить хотя бы основные узлы, пока не стало слишком поздно».

Арсений перечитал эти строки несколько раз, чувствуя, как по коже пробегают мурашки. Он понимал, что они уже близки к тому, о чём предупреждал автор записей. Аномалии, которые они наблюдали, были не случайными сбоями, а первыми признаками распада времени.

Когда они собрали все нужные документы и фотографии, Марина аккуратно убрала папки на место, стараясь ничего не перепутать.

— Теперь у нас есть почти всё, что нужно, — сказала она тихо. — Мы знаем, где находятся точки, как они связаны между собой и что происходит, когда сброс не срабатывает.

Арсений кивнул, но в его голове крутился один вопрос, на который пока не было ответа.

— Но кто мешает системе работать? — спросил он. — Почему сбросы не происходят, а точки теряют связь?

Марина помолчала, собираясь с мыслями.

— Я думаю, это тот, о ком говорил Виктор, — ответила она. — «Тот, кто стоит в тени». Он нашёл способ вытягивать время из системы, и каждый раз, когда он это делает, равновесие нарушается.

Арсений вспомнил слова Виктора о том, что этот человек научился управлять минутами, делать дни длиннее, ночи короче, останавливать мгновения. Теперь эти слова звучали не как легенда, а как описание реальной угрозы.

Они вышли из архива так же тихо, как и вошли. Коридоры по-прежнему были пусты, а светильники продолжали мигать, будто пытались предупредить их о чём-то. Когда они оказались на улице, Арсений глубоко вдохнул прохладный воздух, пытаясь прогнать ощущение, что за ними наблюдают.

Они договорились встретиться с Кириллом и Виктором в кафе, чтобы обсудить всё, что узнали. Кирилл должен был проанализировать схему подземных коммуникаций и понять, как можно добраться до центральной комнаты под

почтой. Виктор обещал рассказать, как Хранители Времени восстанавливали связь между точками и что нужно сделать, чтобы запустить систему снова.

По дороге к кафе Арсений всё время оглядывался, будто пытался заметить тень, которая следила за ними. Ему казалось, что теперь, когда они узнали слишком много, за ними начнут охотиться. Не обычные люди, а те, кто не хотел, чтобы система была восстановлена.

В кафе их уже ждал Кирилл. Он сидел за столиком, разложив перед собой листы бумаги и делая какие-то пометки. Когда Арсений и Марина подошли, он поднял голову и улыбнулся, но в его взгляде читалась напряжённость.

— Ну, рассказывайте, — сказал он. — Что вы нашли?

Марина достала телефон и показала ему фотографии документов. Кирилл внимательно рассматривал каждую страницу, время от времени кивая, будто узнавал что-то знакомое.

— Это именно то, что нам нужно, — проговорил он, когда Марина закончила показывать снимки. — Теперь мы знаем, где находятся все точки, и понимаем, как система должна работать. Но самое важное — схема подземных коммуникаций. С её помощью мы сможем добраться до центральной комнаты и, возможно, запустить механизм заново.

Виктор пришёл чуть позже. Он выглядел уставшим, но в его глазах горела решимость.

— Вы сделали то, что я не мог сделать сам, — сказал он,

глядя на Арсения и Марину. — Теперь у нас есть шанс восстановить систему. Но для этого нужно действовать быстро. Чем дольше система остаётся сломанной, тем сильнее становятся аномалии и тем сложнее будет её починить.

Они начали обсуждать план действий. Кирилл предложил начать с восстановления связи между основными точками, чтобы замедлить распад времени. Виктор рассказал, что в центральной комнате под почтой должен быть главный механизм, который позволяет синхронизировать все узлы. Если они смогут его запустить, система начнёт работать снова.

Арсений слушал их, но в голове крутились слова из личных записей «А. К.»: «Мы должны успеть восстановить хотя бы основные узлы, пока не стало слишком поздно». Он понимал, что времени у них действительно мало. Каждый сбой, каждая аномалия приближали момент, когда время начнёт распадаться на фрагменты, и тогда спасти систему будет почти невозможно.

Перед уходом Арсений снова посмотрел на свои наручные часы. Стрелки показывали 17:23, а на телефоне было 17:26. Три минуты разницы. Он вспомнил, как в кафе время замерло на три минуты, и понял, что эти минуты были не случайностью, а частью процесса сброса, который не смог завершиться.

Они разошлись, договорившись встретиться завтра утром, чтобы начать действовать. Арсений шёл домой, чувствуя, как на плечи ложится тяжесть ответственности. Те-

перь он знал, что не просто исследует аномалии — он пытается спасти время в своём районе от полного распада.

Дома он достал блокнот и перечитал все свои записи. Теперь они складывались в единую историю: тайное общество Хранителей Времени, система контрольных точек, процесс сброса, «Тот, кто стоит в тени», который нарушал равновесие. Он понимал, что впереди их ждёт опасная работа, но теперь у них был план и знания, которые могли помочь им победить.

Перед сном он снова посмотрел на старые карманные часы, которые лежали на столе. Стрелки по-прежнему шли назад, напоминая о том, что время в районе продолжает разрушаться. Он положил часы рядом с собой, будто они могли защитить его во сне.

Ему снилось, что он идёт по тёмному подземному ходу, а впереди мерцает тусклый свет. Он слышит голоса, которые шепчут что-то на незнакомом языке, и чувствует, как воздух становится плотнее, будто само время сопротивляется его продвижению. В конце хода он видит круглую комнату с металлическими панелями на стенах. В центре комнаты стоит механизм, похожий на гигантские часы, но без стрелок. Вместо них — тонкие светящиеся линии, которые двигаются, пересекаются и расходятся, создавая сложный узор.

Рядом с механизмом стоит человек в длинном пальто, лицо которого скрыто тенью. Он поворачивается к Арсению и говорит:

— Ты пришёл вовремя. Но помни: время не прощает ошибок. Каждый шаг меняет равновесие.

Арсений хочет спросить, что нужно сделать, но в этот момент свет гаснет, и он остаётся в темноте, слыша только отдалённое тиканье, которое становится всё тише и тише, пока не исчезает совсем.

Проснулся он с ощущением, что сон был не просто сном, а предупреждением. Он знал, что завтра они начнут новый этап поисков, и что каждый найденный документ, каждая услышанная история приближают их к разгадке. Но он также понимал, что чем ближе они будут подходить к истине, тем опаснее станет их путь.

Глава 11.

Кирилл всегда верил в логику. В чёткие схемы, в проверяемые данные, в причинно-следственные связи, которые можно разложить по пунктам и подтвердить цифрами. Для него аномалии были не магией, а нерешёнными уравнениями — и он привык их решать. Именно поэтому, когда Арсений и Марина начали рассказывать про «Общество Хранителей Времени», про точки синхронизации и про часы, идущие назад, Кирилл сначала слушал с профессиональным интересом, но без особого доверия. Ему нужны были данные. Конкретные, измеримые, повторяемые.

Но чем больше он изучал документы, которые они принесли из закрытого архива, тем сильнее его рациональный скепсис уступал место тревожному любопытству. Схема подземных коммуникаций, список контрольных точек, записи «А. К.» — всё это было оформлено как официальная техническая документация. И даже если терминология местами казалась странной («сброс времени», «равновесие временных потоков»), структура оставалась безупречно инженерной: параметры, допуски, графики обслуживания, ответственные лица. Это не было похоже на выдумку. Это выглядело как проект, который кто-то действительно строил и эксплуатировал.

В тот вечер Кирилл сидел у себя в небольшой мастерской, заставленной коробками с деталями, катушками проводов и разобранными приборами. На столе перед ним лежали распечатки фотографий документов, а рядом — старинные карманные часы, которые Арсений принёс ему для изучения. Кирилл не спешил разбирать их. Сначала он хотел понять, как они ведут себя в разных условиях.

Он подключил к столу портативный осциллограф и аккумулятно расположил рядом датчик магнитного поля. Затем достал из ящика самодельный индукционный сенсор — простую катушку на ферритовом сердечнике, которую использовал для проверки слабых электромагнитных полей. Всё это было собрано из подручных деталей, но работало достаточно точно для его целей.

— Ладно, посмотрим, что ты такое, — пробормотал Кирилл, глядя на часы. Он открыл крышку и на мгновение замер: стрелки действительно шли назад, плавно и ровно, без рывков. Это было невозможно с точки зрения классической механики — если только в механизме не стояла специальная модификация, полностью меняющая направление хода. Но при беглом осмотре он не видел никаких следов такой переделки.

Кирилл поднёс к часам индукционный сенсор и начал медленно водить им вокруг корпуса. Прибор тихо пискнул, выдавая слабый, но отчётливый сигнал. Осциллограф показал низкочастотные колебания — не хаотичные, а с чёткой

периодичностью, будто часы сами генерировали поле, которое влияло на окружающее пространство.

— Этого не может быть, — прошептал Кирилл, проверяя настройки приборов. Он повторил измерение, меняя положение датчика, и снова получил тот же результат. Поле было слабым, но стабильным, и его частота совпадала с ритмом движения стрелок.

Тогда он решил провести другой эксперимент. Он достал из шкафа старый механический секундомер и поставил его рядом с карманными часами. Затем включил секундомер и начал записывать показания обоих приборов каждые тридцать секунд. Через десять минут он посмотрел на записи и почувствовал, как по спине пробегает холодок.

Секундомер отсчитывал время нормально, секунда за секундой. А карманные часы продолжали идти назад, но самое странное было в том, что показания секундомера начали «плавать»: иногда он отставал на несколько секунд, иногда — наоборот, убежал вперёд. Это было похоже на то, что рядом с часами само понятие «секунды» начинало терять стабильность.

Кирилл закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Как инженер он знал: если прибор показывает аномалию, сначала нужно проверить сам прибор. Он взял другой секундомер, проверил его на эталонных сигналах, убедился, что он работает точно. Затем повторил эксперимент. Результат был тем же.

Он достал телефон и синхронизировал время по сети. На экране было 21:17. Он посмотрел на секундомер — 21:18. На карманные часы — они показывали 21:14, двигаясь назад. Разница в три минуты. Снова три минуты.

Это число начало казаться ему зловещим. Три минуты, на которые всё замерло в кафе. Три минуты разницы между наручными часами Арсения и его телефоном. Три минуты, которые будто были вычеркнуты из реальности и теперь возвращались в виде аномалий.

Кирилл записал все данные в блокнот, стараясь не делать поспешных выводов. Он фиксировал только факты: показания приборов, время измерений, условия эксперимента. Но даже сухие цифры складывались в картину, которую его рациональный ум отказывался принимать.

Решив, что ему нужно больше данных, он начал собирать простую систему датчиков, которая могла бы фиксировать аномалии в реальном времени. Он подключил к осциллографу несколько дополнительных каналов, установил датчики температуры и влажности, чтобы исключить влияние внешних факторов, и расположил их вокруг часов. Затем запустил запись и сел, наблюдая за экранами.

Через несколько минут он заметил ещё одну странность: температура в непосредственной близости от часов начала медленно снижаться, хотя в комнате было тепло. Влажность тоже слегка изменилась, будто воздух вокруг часов становился плотнее, тяжелее. Это было едва уловимо, но приборы

фиксиrowали чёткую тенденцию. Кирилл откинулся на спинку стула и посмотрел на карманные часы. Теперь он уже не мог сказать, что это просто старые часы с необычным механизмом. Это был объект, который влиял на окружающее пространство, менял параметры среды, нарушал привычные законы физики — пусть и в очень узком радиусе.

Он взял телефон и набрал номер Арсения.

— Арсений, слушай внимательно, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя голос слегка дрожал от напряжения. — Я провёл несколько тестов. И... я должен признать, что ты был прав. Эти часы не просто идут назад. Они создают вокруг себя зону, где время ведёт себя нестабильно. Мои приборы фиксируют отклонения в показаниях, изменения температуры и даже слабые электромагнитные поля, которые совпадают с ритмом стрелок. Я не понимаю, как это работает, но это реально. На другом конце провода Арсений помолчал, будто пытался осознать услышанное.

— Ты веришь мне теперь? — тихо спросил он.

Кирилл вздохнул, чувствуя, как рушится его привычный мир, где всё можно было объяснить формулами и схемами.

— Верю, — признал он. — И я хочу помочь. Если это действительно связано с системой синхронизации времени, я могу использовать свои знания, чтобы понять, как она работает и как её можно починить.

Они договорились встретиться завтра утром, чтобы обсудить дальнейшие действия. Кирилл положил телефон на

стол и снова посмотрел на приборы. Экраны показывали всё те же аномальные значения, а карманные часы продолжали спокойно идти назад, будто ничего особенного не происходило.

Всю ночь Кирилл почти не спал. Он продолжал записывать данные, проверять приборы, искать возможные ошибки в измерениях. Но чем больше он проверял, тем яснее становилось: ошибки не было. Аномалия была реальной.

Утром он собрал все свои записи, распечатал графики и схемы, сложил их в папку вместе с фотографиями приборов и поехал на встречу с Арсением и Мариной. Он чувствовал, что теперь он не просто скептик, который пытается найти рациональное объяснение. Он стал частью этой истории, и от его знаний могла зависеть судьба всей системы.

Кафе, где они договорились встретиться, было почти пустым. Арсений и Марина уже сидели за столиком, ожидая его. Когда Кирилл подошёл, они подняли головы, в их взглядах читалась смесь надежды и тревоги.

— Я принёс данные, — сказал Кирилл, ставя папку на стол. — И я готов признать, что был неправ. Эти часы действительно вызывают аномалии. Мои приборы зафиксировали нестабильность времени, изменения температуры, слабые электромагнитные поля. Всё это совпадает с ритмом стрелок. Марина кивнула, будто ожидала этого.

— Значит, мы не сошли с ума, — проговорила она тихо. — Это действительно происходит.

Арсений посмотрел на Кирилла с благодарностью.

— Спасибо, что поверил, — сказал он. — Теперь у нас есть не только история и документы, но и реальные данные. Это поможет нам понять, как работает система и как её можно восстановить.

Кирилл открыл папку и начал раскладывать листы на столе. Он показал графики, схемы подключения приборов, таблицы с показаниями.

— Смотрите, — сказал он, указывая на один из графиков. — Здесь видно, как показания секундомера начинают «плавать» рядом с часами. Разница достигает трёх минут — и это совпадает с теми аномалиями, которые вы наблюдали. Я думаю, что эти часы — не просто индикатор. Они сами являются частью системы синхронизации. Возможно, они используются для корректировки времени в локальной зоне.

Марина наклонилась над схемами, внимательно изучая графики.

— А эти электромагнитные поля? — спросила она. — Что они могут означать?

Кирилл пожал плечами, стараясь быть честным.

— Пока не знаю, — признался он. — Но я думаю, что они связаны с механизмом сброса времени. Возможно, поле нужно для того, чтобы «перезагрузить» локальный временной поток. Если это так, то мы можем использовать эти данные, чтобы понять, как активировать точки синхронизации.

Арсений достал из сумки схему подземных коммуника-

ций и положил её рядом с графиками.

— Тогда у нас есть план, — сказал он. — Мы знаем, где находятся контрольные точки. Мы знаем, как система должна работать. И теперь у нас есть данные, которые помогут нам понять, как её запустить. Нам нужно добраться до центральной комнаты под почтой и попробовать активировать главный механизм.

Кирилл кивнул, чувствуя, как внутри разгорается смесь азарта и тревоги. Он понимал, что они собираются сделать нечто опасное и непредсказуемое. Но теперь его инженерный ум видел в этом не магию, а сложную техническую задачу, которую можно решить, если подойти к ней правильно.

— Я помогу вам подготовиться, — сказал он твёрдо. — Я соберу набор датчиков, которые смогут фиксировать аномалии в реальном времени. Мы сможем видеть, что происходит с системой, когда начнём её активировать. И если что-то пойдёт не так, мы сможем вовремя остановиться.

Марина достала из сумки свои записи и положила их рядом со схемой.

— А я продолжу изучать документы и записи «А. К.», — сказала она. — Возможно, там есть подсказки о том, как правильно запустить механизм и как избежать ошибок.

Арсений посмотрел на обоих друзей, чувствуя, как тяжесть ответственности становится чуть легче от того, что он не один.

— Тогда завтра мы начнём, — сказал он. — Сначала под-

готовимся, соберём всё необходимое, а потом отправимся к зданию почты.

Они ещё долго обсуждали детали плана, распределяли задачи, составляли списки необходимого оборудования и документов. Кирилл делал пометки в своём блокноте, продумывая, какие приборы ему нужно взять с собой и как их лучше подключить. Марина записывала ключевые моменты из документов, которые могли пригодиться в подземной комнате. Арсений старался запомнить каждую деталь, понимая, что от этого может зависеть успех всей операции.

Когда они закончили, на улице уже темнело. Они вышли из кафе и разошлись по домам, договорившись встретиться завтра рано утром. Кирилл шёл по улице, чувствуя, как холодный ветер остужает разгорячённые мысли. Он всё ещё не мог до конца поверить в то, что происходит, но теперь его скептицизм уступил место решимости. Он хотел не просто понять, что происходит, а найти способ это исправить.

Дома он снова достал карманные часы и положил их на стол. Стрелки по-прежнему шли назад, напоминая о том, что время в районе продолжает разрушаться. Он подключил к ним датчики и начал записывать новые данные, стараясь уловить любые изменения.

Перед сном он ещё раз просмотрел все свои записи. Теперь они складывались в единую картину: тайное общество Хранителей Времени, система контрольных точек, процесс сброса, «Тот, кто стоит в тени», который нарушал равнове-

сие, и теперь — реальные данные, которые подтверждали существование аномалий. Он понимал, что впереди их ждёт опасная работа, но теперь у них был не только план и знания, но и точные измерения, которые могли помочь им победить.

Ему снилось, что он стоит в круглой комнате под зданием почты, а перед ним — огромный механизм, похожий на гигантские часы без стрелок. Вокруг него мигают индикаторы, а на панелях бегут строки данных, которые он не успевает читать. Арсений и Марина стоят рядом, ожидая его команды. Он смотрит на приборы, видит, как показатели начинают выходить за пределы нормы, и понимает, что у него есть только один шанс всё исправить.

— Сейчас или никогда, — говорит он вслух и нажимает кнопку запуска. Механизм оживает, индикаторы загораются, а стрелки начинают двигаться — сначала медленно, потом всё быстрее. Но вместо того чтобы идти вперёд, они крутятся назад, втягивая в себя тени, которые ползут по стенам. Тени исчезают, растворяются, и мир вокруг становится светлее.

Проснулся он с ощущением, что сон был не просто сном, а отражением того, что их ждёт впереди. Он знал, что завтра они начнут новый этап поисков, и что каждый собранный датчик, каждая записанная цифра приближают их к разгадке. Но он также понимал, что чем ближе они будут подходить к истине, тем опаснее станет их путь.

Глава 12.

Рассвет подкрался к району тихо, будто боялся спугнуть хрупкое равновесие, и окрасил крыши домов в бледно-розовый цвет, который быстро сменялся серым, как только солнце пряталось за облаками. Арсений, Марина и Кирилл стояли у старого павильона на пустыре — одной из контрольных точек синхронизации, отмеченной в списке как «точка 7, низкий уровень стабильности». Когда-то здесь был небольшой торговый павильон, потом его забросили, а теперь от него остались только ржавые балки, покосившиеся стены и ощущение, будто само пространство не хочет, чтобы в нём что-то меняли.

Кирилл держал в руках свой походный набор: датчики, осциллограф в защитном чехле, катушки индуктивности, кабели и несколько самодельных модулей, которые должны были фиксировать любые отклонения. Он выглядел собранным, но в его движениях чувствовалась напряжённость — будто он всё ещё пытался убедить себя, что делает обычную полевую проверку, а не пытается «починить» время.

Марина сжимала в руках папку с документами: копии схем, выписки из записей «А. К.», список параметров для каждой точки. Она то и дело сверялась с бумагами, будто надеялась найти в них строчку, которая скажет: «Делайте так-то и всё получится». Но такой строчки не было.

Арсений стоял чуть в стороне и смотрел на павильон, пытаясь почувствовать, есть ли здесь что-то необычное. Он уже привык к тому, что аномалии не всегда видны глазами: иногда они прятались в тишине, в странном ощущении тяжести воздуха, в едва уловимом шуме, который не принадлежал этому месту. Сейчас тишина вокруг павильона была слишком плотной, будто она сопротивлялась любому вмешательству.

— Готовы? — спросил Кирилл, раскладывая оборудование на куске брезента. Его голос звучал твёрдо, но в нём слышалась осторожность человека, который собирается сделать шаг в неизвестность. — Готовы, — кивнула Марина, доставая из папки схему точки. — Согласно документам, здесь должен быть скрытый модуль синхронизации. В отчётах его называют «локальным стабилизатором». Обычно он выглядит как металлический ящик размером с небольшую коробку, закреплённый на несущей балке.

Арсений подошёл к одной из балок и провёл по ней рукой. Металл был холодным даже для прохладного утра, а в одном месте на нём виднелись следы старой сварки — будто когда-то к балке действительно крепили что-то тяжёлое.

— Здесь, — сказал он, указывая на место. — Чувствуется... не то чтобы холод, а будто пустота. Как будто воздух здесь не такой, как везде.

Кирилл кивнул и достал один из датчиков.

— Давай проверим параметры, — проговорил он, вклю-

чая прибор. — Если здесь действительно есть стабилизатор, он должен оставлять слабый электромагнитный след. Даже если он выключен, остаточное поле может сохраняться годами.

Он медленно водил датчиком вдоль балки, следя за показаниями. Через несколько секунд прибор тихо пискнул, а на экране осциллографа появилась слабая, но отчётливая волна.

— Есть сигнал, — тихо сказал Кирилл, будто боялся спугнуть удачу. — Очень слабый, но он есть. Значит, модуль действительно был здесь.

Марина склонилась над схемой.

— В записях «А. К.» говорится, что для активации точки нужно подать на модуль специальный импульс, — проговорила она, водя пальцем по строчкам. — Импульс должен соответствовать частоте местного временного потока. Если частота подобрана неправильно, система может отреагировать непредсказуемо.

Кирилл нахмурился.

— То есть мы не можем просто «включить» его, — уточнил он. — Нам нужно сначала определить текущую частоту, а потом сформировать импульс, который будет с ней резонировать.

Арсений посмотрел на него.

— А ты можешь это сделать?

Кирилл на мгновение задумался, затем кивнул.

— Могу попробовать. У меня есть генератор сигналов, который позволяет настраивать частоту вручную. Если я смогу считать параметры поля, я смогу подобрать нужную частоту.

Он подключил генератор к осциллографу и начал медленно менять настройки, наблюдая за реакцией приборов. Марина записывала показания, отмечая малейшие изменения. Арсений стоял рядом, чувствуя, как напряжение в воздухе становится плотнее, будто сама точка сопротивлялась их попыткам её активировать.

Через несколько минут Кирилл остановился.

— Вот, — проговорил он тихо. — Я нашёл частоту, на которой поле реагирует сильнее всего. Это и есть текущая частота местного временного потока. Теперь я могу сформировать импульс, который должен запустить модуль.

Он сделал несколько настроек на генераторе, проверил соединения и посмотрел на друзей.

— Я подам короткий импульс, — сказал он. — Если всё пойдёт правильно, модуль должен активироваться и начать процесс сброса. Но если частота подобрана неверно или если система повреждена, эффект может быть непредсказуемым. Будьте готовы ко всему.

Марина сжала папку крепче, будто она могла защитить её от того, что произойдёт дальше.

— Мы готовы, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Арсений кивнул, хотя внутри у него всё сжималось от тре-

воги.

Кирилл нажал кнопку. Генератор тихо щёлкнул, и по кабелям прошёл короткий импульс. На осциллографе вспыхнула яркая волна, а затем поле начало меняться: волны становились выше, частота — быстрее, а воздух вокруг будто загустел, как вязкая жидкость.

На мгновение показалось, что всё идёт правильно. Арсений даже почувствовал лёгкое облегчение — будто пространство вокруг павильона наконец-то вздохнуло свободно. Но затем что-то пошло не так.

Сначала изменился звук. Обычный городской шум — отдалённый гул машин, крики птиц, шелест ветра — начал искажаться, растягиваться и дробиться, как будто кто-то проигрывал его на сломанном проигрывателе. Потом изменилась температура: воздух резко похолодел, и на металлических балках появилась тонкая корка инея, хотя на улице не было мороза.

А потом время начало вести себя странно.

Арсений посмотрел на свои наручные часы: стрелки замерли на 07:43. Он достал телефон — на экране тоже было 07:43, но секунды не двигались. Он перевёл взгляд на карманные часы, которые лежали в кармане: они по-прежнему шли назад, но теперь их ход стал быстрее, будто они торопились показать что-то важное.

Марина вскрикнула и указала на пространство перед павильоном. Там, в воздухе, начали появляться тонкие линии

— не видимые обычному глазу, но заметные, если смотреть под определённым углом. Линии складывались в сетку, которая медленно пульсировала, будто жила своей жизнью. Кирилл бросился к приборам, пытаясь понять, что происходит. Осциллограф показывал сумасшедшие значения: частота поля резко возросла, амплитуда стала нестабильной, а волны начали накладываться друг на друга, создавая хаотичный узор.

— Это не сброс, — прошептал он, глядя на экраны. — Это... распад. Мы не синхронизировали точку. Мы сломали её ещё сильнее.

Марина схватила папку и начала листать страницы, будто надеялась найти там инструкцию, как всё исправить.

— В записях «А. К.» есть упоминание о «обратном эффекте», — проговорила она быстро, читая строчки. — Если импульс не соответствует частоте или если модуль повреждён, вместо сброса происходит локальный распад временного потока. Пространство начинает терять стабильность, и аномалии усиливаются.

Арсений почувствовал, как по спине пробегает холодок.

— Что нам делать? — спросил он, оглядываясь по сторонам. Линии в воздухе становились ярче, сетка — плотнее, а холод — сильнее.

Кирилл выключил генератор и начал отсоединять кабели.

— Нам нужно остановить воздействие, — сказал он твёрдо. — Мы уже подали импульс. Теперь нам нужно убрать

оборудование и отойти как можно дальше, чтобы не усугублять ситуацию.

Они быстро собрали приборы, стараясь не делать резких движений, будто боялись, что любое неосторожное действие может сделать аномалию ещё сильнее. Арсений взял карманные часы и положил их в карман, стараясь не смотреть на стрелки, которые теперь бежали назад с пугающей скоростью.

Когда они отошли на безопасное расстояние, Арсений оглянулся на павильон. Сетка в воздухе всё ещё пульсировала, но теперь она начала распространяться дальше, захватывая соседние участки пустыря. Холод тоже не исчезал: трава покрылась инеем, а воздух казался густым и тяжёлым.

— Мы сделали только хуже, — проговорил Кирилл, глядя на пустырь. — Вместо того чтобы починить точку, мы усилили сбой. Теперь аномалия будет расти, пока не затронет соседние зоны.

Марина закрыла папку и посмотрела на друзей. В её глазах читалась смесь вины и решимости.

— Значит, нам нужно найти способ всё исправить, — сказала она твёрдо. — В документах должно быть что-то, что подскажет, как нейтрализовать обратный эффект. Возможно, есть какой-то протокол аварийного восстановления.

Арсений кивнул, чувствуя, как тревога сменяется холодной решимостью.

— Тогда возвращаемся к документам, — проговорил он.

— И к Виктору. Он работал с этой системой и должен знать, что делать, если что-то пошло не так.

Они пошли прочь от пустыря, стараясь не оглядываться, но Арсений всё равно чувствовал, как аномалия смотрит им вслед, будто живая.

Виктор жил в старом доме на окраине района — в квартире, где пахло книгами, кофе и временем, которое здесь будто собиралось в аккуратные стопки на полках. Когда они пришли, он встретил их у двери, сразу заметив напряжение на их лицах.

— Садитесь, — сказал он тихо, указывая на стулья. — Вижу, что что-то случилось. Рассказывайте всё, ничего не пропускайте.

Они рассказали ему о попытке синхронизировать точку 7, о том, как подали импульс, и о том, что произошло потом: сетка в воздухе, холод, остановившиеся часы, ускорившиеся стрелки карманных часов. Виктор слушал, не перебивая, только время от времени кивал, будто узнавал знакомые симптомы.

Когда они закончили, он вздохнул и на мгновение закрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Вы столкнулись с обратным эффектом, — проговорил он наконец. — Это одна из самых опасных вещей, которые могут произойти при попытке активировать точку. Если импульс не соответствует частоте, вместо синхронизации происходит локальный распад. Система не восстанавливается —

она ломается ещё сильнее.

Марина достала папку и положила её на стол.

— В записях «А. К.» упоминается этот эффект, — сказала она. — Но там нет чёткого протокола, как его нейтрализовать. Виктор кивнул.

— Потому что универсального протокола не существует, — объяснил он. — Каждая точка уникальна, и способ нейтрализации зависит от её состояния, от истории сбоев и от того, насколько сильно повреждён модуль. Но есть общие принципы, которые могут помочь.

Он встал и подошёл к книжному шкафу, где на верхней полке стояла небольшая жестяная коробка. Открыв её, он достал пожелтевший лист бумаги с рукописными заметками.

— Это черновик инструкции по аварийному восстановлению, — проговорил он, разворачивая лист. — Её так и не утвердили официально, но мы использовали её в экстренных случаях. Здесь описаны шаги, которые нужно предпринять, если активация точки привела к обратному эффекту.

Он начал читать вслух, переводя технический язык на понятный:

«При возникновении локального распада временного потока необходимо:

Прекратить любое внешнее воздействие на точку. Изолировать зону аномалии, чтобы не допустить её распространения.

Определить текущую частоту неустойчивости и попытаться

ся найти способ её погасить.

Использовать резервный модуль синхронизации (если он есть) для создания компенсирующего поля.

При отсутствии резервного модуля — использовать альтернативный источник синхронизации, который может стабилизировать поток».

Кирилл слушал, делая пометки в своём блокноте.

— Пункт про компенсирующее поле звучит как задача для техники, — проговорил он. — Если мы сможем создать поле с противоположной частотой, оно может погасить нестабильность.

Виктор посмотрел на него с уважением.

— Именно так мы и делали раньше, — подтвердил он. — У нас были резервные модули, которые могли создавать компенсирующее поле. Но сейчас их почти не осталось.

Марина подняла голову.

— А что значит «альтернативный источник синхронизации»? — спросила она. Виктор задумался, подбирая слова.

— Иногда в качестве источника использовали предметы, которые уже были связаны с системой, — объяснил он. — Например, старые часы, которые использовались для калибровки. Они сохраняли «память» о правильной частоте и могли помочь стабилизировать поток.

Арсений достал из кармана карманные часы.

— Эти часы, — проговорил он. — Они ведь тоже часть системы. И они идут назад. Может быть, именно это и нужно

— не пытаться заставить время идти вперёд, а использовать обратный ход, чтобы погасить нестабильность?

Виктор посмотрел на часы, и в его глазах мелькнуло понимание.

— Возможно, — проговорил он медленно. — Если эти часы действительно связаны с системой, они могут стать тем самым альтернативным источником. Но использовать их нужно очень осторожно. Если мы ошибёмся, эффект может стать ещё сильнее.

Кирилл посмотрел на Арсения.

— Ты готов попробовать? — спросил он.

Арсений сжал часы в руке, чувствуя их прохладный металл. Он знал, что это рискованно, но также понимал, что если они ничего не сделают, аномалия будет расти и затронет больше людей.— Готов, — проговорил он твёрдо.

Они вернулись на пустырь, но на этот раз подошли к аномалии с другой стороны — не как люди, которые хотят что-то починить, а как те, кто пытается погасить пожар. Кирилл установил датчики на безопасном расстоянии и начал фиксировать параметры нестабильности. Марина держала в руках черновик инструкции Виктора и была готова подсказывать нужные шаги. А Арсений стоял с карманными часами в руке, стараясь не думать о том, что может пойти не так.

Кирилл посмотрел на экраны приборов и кивнул.— Частота нестабильности определена, — проговорил он. — Теперь нам нужно использовать часы как источник компенса-

рующего поля. Для этого Арсений должен открыть крышку и держать их так, чтобы они были направлены на центр аномалии. Поле, которое создают часы, должно погасить нестабильность. Но это сработает только если мы всё сделаем правильно.

Арсений глубоко вдохнул, открыл крышку часов и направил их на пульсирующую сетку в воздухе. Стрелки бежали назад, и от часов исходило едва уловимое поле, которое приборы Кирилла фиксировали как слабую, но стабильную волну.

Сетка в воздухе начала меняться: линии стали тоньше, пульсация — слабее, а холод начал отступать. Иней на траве таял, воздух становился легче, и обычный городской шум возвращался, теперь уже без искажений.

Через несколько минут сетка исчезла совсем, а стрелки на наручных часах Арсения снова начали двигаться вперёд. Телефон тоже ожил, показывая правильное время.

Кирилл смотрел на приборы, будто не верил своим глазам. — Работает, — прошептал он. — Поле часов действительно погасило нестабильность. Мы нейтрализовали обратный эффект.

Марина обняла себя руками, будто только сейчас поняла, как сильно она замерзла.

— Мы справились, — проговорила она тихо, с облегчением.

Арсений закрыл крышку часов и убрал их в карман. Он

чувствовал усталость, но вместе с ней — и странное удовлетворение. Они не просто справились с аномалией. Они поняли, как работает система, и научились её чинить.

Виктор, который наблюдал за всем со стороны, подошёл к ним и положил руку Арсению на плечо.

— Вы сделали то, что раньше удавалось только опытным Хранителям, — проговорил он с уважением. — Теперь вы понимаете, что это не просто техника. Это ответственность. Каждый раз, когда вы вмешиваетесь в ход времени, вы меняете равновесие. И вы должны быть готовы к последствиям.

Арсений посмотрел на пустырь, который снова выглядел как обычный заброшенный участок. Но теперь он знал, что под этой обыденностью прячется сложная система, которую нужно беречь.

— Мы будем осторожны, — проговорил он твёрдо.

Глава 13.

Дождь шёл уже третий час подряд, не яростно, а монотонно, будто сам город пытался смыть с себя следы аномалий, которые становились всё заметнее. Капли барабанили по крышам, стекали по стёклам витрин, превращая улицы в размытые акварели, где привычные очертания теряли чёткость. Арсений стоял у окна своей квартиры и смотрел, как свет фонарей растворяется в мокрой темноте. Карманные часы лежали на столе рядом — теперь он почти не убирал их далеко: они стали не просто предметом, а чем-то вроде компаса в этом искажённом мире. Стрелки по-прежнему шли назад, но после нейтрализации аномалии на пустыре их ход стал ровнее, без той пугающей спешки.

Он ждал. Марина должна была прийти с новыми выписками из старых документов, а Кирилл — с обновлённой схемой датчиков, которая позволяла отслеживать нестабильность на расстоянии. Но больше всего Арсений ждал разговора с Виктором. После того как они погасили обратный эффект с помощью часов, Виктор стал относиться к ним не как к любопытным любителям, а как к тем, кто готов нести ответственность. И именно он обещал рассказать то, о чём раньше говорил лишь намёками: кто стоит за намеренным искажением времени.

В дверь тихо постучали — не требовательно, а осторожно,

будто гость сам не был уверен, что ему здесь рады. Арсений открыл. На пороге стоял не Виктор, а тот самый незнакомец, который когда-то пришёл к нему ночью, — мужчина в тёмном пальто, с усталым лицом и шрамом на виске. Его звали Виктор, но сейчас он выглядел так, будто на плечи легла тяжесть, которую невозможно измерить.

— Можно войти? — спросил он тихо, стряхивая капли дождя с плеч.

Арсений кивнул и пропустил его внутрь. Виктор прошёл в комнату, не снимая пальто, и сел на стул, будто готов был в любой момент снова уйти.

— Я пришёл не просто так, — проговорил он, глядя прямо на Арсения. — Вы уже видели, как легко сломать систему. Теперь вы должны знать, как легко её использовать во вред.

Арсений сел напротив, чувствуя, как внутри поднимается смесь тревоги и нетерпения.

— Ты говорил про «того, кто стоит в тени», — напомнил он. — Про человека, который научился управлять минутами. Это он ломает систему? Виктор помолчал, собираясь с мыслями, будто каждое слово приходилось вынимать из памяти осторожно, чтобы не повредить.

— Не один человек, — произнёс он наконец. — Их больше. Это не одиночка, а... организация. Те, кто понял, что время — это ресурс. И как любой ресурс, его можно добывать, перераспределять и продавать.

Арсений почувствовал, как холодеет в груди.

— Продавать? — повторил он, будто не веря своим ушам.

— Кому? И как?

Виктор наклонился вперёд, голос его стал тише, но от этого звучал ещё веселее.

— Представь, что ты можешь сделать день длиннее для одного человека и короче для другого. Ты можешь дать кому-то дополнительные часы на подготовку к важной встрече, а у кого-то эти часы забрать, чтобы он опоздал. Ты можешь остановить мгновение, чтобы успеть принять решение, или растянуть секунду, чтобы успеть нажать на курок. Для влиятельных людей такие возможности стоят дороже золота.

Арсений вспомнил аномалию в кафе, когда время замерло на три минуты. Тогда он подумал, что это сбой. Теперь ему казалось, что это могло быть не случайностью, а чьей-то сделкой.

— И они делают это с помощью нашей системы? — спросил он. Виктор кивнул.

— Именно. Они нашли слабые места в сети точек синхронизации и научились создавать искусственные «окна» — короткие периоды, когда время в определённой зоне становится податливым. Через эти окна они вытягивают минуты, перераспределяют их, продают тем, кто готов платить. Для них это бизнес. Для нас — катастрофа.

— А Хранители Времени? — спросил Арсений. — Разве они не должны были это остановить?

Виктор горько усмехнулся.

— Некоторые пытались. Другие... присоединились. В какой-то момент система стала слишком привлекательной. Кто-то поверил, что может контролировать процесс, не нарушая равновесия. Кто-то просто захотел власти и денег. Так внутри самой организации появились те, кто начал работать на другую сторону.

Арсений сжал кулаки, чувствуя, как злость смешивается с горечью.

— Получается, всё рушится не потому, что механизм старый, а потому что его ломают специально?

— Да, — просто ответил Виктор. — И чем больше времени они вытягивают, тем слабее становится система. Точки теряют связь друг с другом, сбросы происходят с ошибками, а обратный эффект становится всё более вероятным. То, что вы видели на пустыре, — это не исключение. Это закономерность.

В этот момент в дверь снова постучали, на этот раз громче и увереннее. Арсений встал и открыл. На пороге стояли Марина и Кирилл. Увидев Виктора, они на мгновение замерли, будто почувствовали напряжённость в комнате.

— Мы не вовремя? — спросила Марина, переводя взгляд с одного на другого.

— Вовремя, — проговорил Виктор, поднимаясь со стула. — Как раз собирался рассказать вам то, что должен был рассказать давно.

Они расселись вокруг стола, и Виктор повторил всё, что уже сказал Арсению: про организацию, про торговлю временем, про тех, кто внутри системы перешёл на другую сторону. Марина слушала, делая быстрые пометки в блокноте, будто пыталась уложить хаос в аккуратные строчки. Кирилл сидел неподвижно, и по его лицу было видно, что он мысленно раскладывает услышанное на составляющие, ищет логику, ищет уязвимости.

Когда Виктор закончил, в комнате повисла тишина, нарушаемая только стуком дождя по стеклу.

— Значит, это не просто сбой системы, — проговорила Марина тихо. — Это саботаж. Кирилл кивнул, будто соглашаясь с выводами, которые ещё не были озвучены.

— Если это бизнес, значит, у них есть инфраструктура, — сказал он твёрдо. — Они должны где-то хранить «избыточное» время, где-то его распределять, где-то вести учёт. Должны быть узлы, серверы, модули — что-то, что позволяет им управлять процессом. Если мы найдём эти узлы, мы сможем понять, как они работают, и, возможно, остановить их.

Марина достала из сумки папку с документами и открыла её на нужной странице.

— В записях «А. К.» есть упоминание о «дополнительных контурах», — проговорила она, водя пальцем по строчкам. — Он писал, что кто-то начал подключать к системе сторонние модули, которые не были частью оригинальной конструкции. Эти модули позволяли «отводить» временные по-

токи в отдельные зоны. Он пытался их отключить, но ему не дали.

Виктор посмотрел на страницу и кивнул.

— Это они и есть, — подтвердил он. — Те самые узлы, через которые время вытягивают из системы. «А. К.» был одним из последних, кто пытался этому противостоять. Его отстранили, а документы засекретили.

Кирилл достал свой блокнот и начал быстро записывать.

— Нам нужно найти эти дополнительные контуры, — проговорил он. — Если мы поймём, где они подключены к основной сети, мы сможем их изолировать. Это не починит систему полностью, но хотя бы остановит утечку.

Арсений посмотрел на Виктора.

— Ты знаешь, где могут быть эти узлы? — спросил он.

Виктор задумался, подбирая слова.

— Есть несколько мест, которые всегда вызывали подозрения. Подстанция у старой железнодорожной ветки, заброшенный склад на окраине, технический этаж в бизнес-центре на границе района. Когда-то они были обычными объектами, но потом их начали использовать для других целей.

Марина подняла голову.

— Бизнес-центр, — повторила она. — Я читала отчёты о его строительстве. Там были странные задержки: сроки то растягивались, то сжимались, рабочие жаловались, что не понимают, сколько времени прошло. Тогда это списали на

организационные проблемы. Теперь мне кажется, что там что-то делали с самим временем.

Кирилл посмотрел на неё с уважением.

— Значит, начинаем оттуда, — проговорил он твёрдо. — Сначала проверим бизнес-центр. Если там есть следы дополнительных контуров, мы сможем собрать доказательства и понять, как они управляют процессом.

Виктор покачал головой, будто хотел предостеречь их. — Будьте осторожны, — проговорил он серьёзно. — Эти люди не просто играют со временем. Они защищают свои интересы. Если они поймут, что вы копаете слишком глубоко, они не станут церемониться.

Арсений посмотрел на друзей. В их глазах читалась тревога, но не страх. Они уже зашли слишком далеко, чтобы отступать.

— Мы будем осторожны, — пообещал он. — Но мы должны это сделать. Если мы не остановим утечку, система развалится окончательно. Бизнес-центр выглядел внушительно и холодно: стеклянные стены отражали серое небо, а металлические конструкции казались слишком острыми для обычного здания. Когдато его строили как символ прогресса, но теперь он выглядел как крепость, которая не хотела пускать внутрь никого лишнего.

Они подошли к зданию с разных сторон, стараясь не привлекать внимания. Кирилл нёс свой набор датчиков, спрятанный в рюкзаке. Марина держала в руках распечатанные

схемы коммуникаций, которые ей удалось найти в открытых источниках. Арсений шёл чуть позади, чувствуя, как напряжение стягивает плечи тугой пружиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.